

Схватка

Автор:

Михаил Голденков

Схватка

Михаил Анатольевич Голденков

Пан Кмитич #3

Книга «Схватка» продолжает цикл о пане Кмитиче, начатый романами «Огненный всадник» и «Тропой волка». Что касается исторических фактов, то единственное искажение, к которому прибегает автор – это сжатие времени, ибо даже в трех пухлых книгах не описать все значимые события тех огненных тринадцати лет ужасной войны.

В романе также достаточно близко к правде отображен колоритный мир простых людей XVII века, их верования и традиции.

Михаил Голденков

Схватка

© Михаил Голденков, 2016

© Оформление. Букмастер, 2016

© Распространение. ТОО «Электронная книгарня», 2016

* * *

«И увидел я иное знамение на небе,

Великое и чудное:

Семь ангелов, имеющих семь последних язв,

Которыми оканчивалась ярость Божия»...

(Новый Завет; Откровение)

Глава 1. Вызов

После мягкой зимы прошедшего года, словно согретой успехами литвинской армии, конец ноября 1662 года обещал на этот раз три суровых снежных месяца. – Пришел-таки Зюзя в белых одеждах, – говорили тревожно литвинские старушки, намекая на белобородого и босого бога зимы, несущего холода и вьюги...

Снег уже укрыл истерзанную за восемь лет войны землю мягкой белой шубой, в воздухе кружили снежинки, а на стеклах чудом сохранившихся от войны неразбитых окон мороз малевал свои замысловатые узоры. В отличие от предыдущего сезона лед уже с первых дней зимы начал сковывать многочисленные реки и речушки Литвы, а снег покрывать холмистые их берега, накрывать крыши разбуренных и все еще целых хат, дворцов и крепостей.

Обычно весна долго и робко начинается в Литве, словно скромная красна девица, стесняющаяся входить в покрытый льдом и снегом дворец не ей принадлежащий. А зима не церемонится, сразу по-хозяйски заходит и садится на все лавы. Вот и ныне, в начале декабря зимний Зюзя уже полноправно царил по берегам Западной Двины. На фоне снега чернели силуэты голых корявых деревьев, придававших пейзажу какой-то мистический вид, словно

кривляющиеся в танце великаны, раскинувшие руки, приветствовали приход бога зимы... И Самуэлю Кмитичу нравилась эта пора года, нравился этот пейзаж на закате солнца, нравились первые морозы, свежий хрустящий снег... Он спрыгнул с коня, с удовольствием погрузив сапоги в свежий сугроб, и сделал знак своим людям рукой, мол, оставайтесь в седлах на месте. Впереди перед полковником светло-лиловой гладью в свете наступающего заката раскинулось между двух сосновых рощ поле, по которому навстречу Кмитичу в длинной бурой шубе, медленно ступая по сугробу, шел бородатый человек. Ох, как давно хотел оршанский князь познакомиться с ним лично, поговорить, взглянуть в его глаза, понять его... Уверенной походкой Кмитич пошел навстречу бородачу в длинной шубе. То был князь Иван Хованский, личный враг Кмитича еще со Смоленска. Год назад Кмитич полагал, что московский князь испытал сполна: разбитый, униженный и потерявший в плену своего сына он, казалось бы, должен вот-вот признать свое поражение, смириться с силой своего врага, уйти. Но нет. Хованский никуда не ушел, жаждал мести, реванша. Кажется, что для него смысл жизни был даже не в том, чтобы освободить из плена сына, не в том, чтобы выиграть войну Московии с Литвой, а в том, чтобы разбить и пленить лично оршанского князя пана Кмитича, столь много крови попортившего ему, опытному и грозному вояке Ивану Хованскому.

И вот они сошлись, встали на расстояние вытянутой руки, пристально глядя друг на друга. Кмитич с интересом рассматривал лицо Хованского, которое ранее видел лишь дважды издалека. Впервые он увидел Хованского со смоленской стены в подзорную трубу. Затем – в бою под Полоцком, во время переправы, когда московский князь еле ушел.

«А ты, брат, постарел», – Кмитич осматривал изрядно пополневшее желтое лицо с мешками под усталыми слезящимися глазами. Некогда аккуратная рыжеватая борода Хованского нынче торчала лопатой.

В отличие от Кмитича, Хованский впервые видел своего кровного соперника. Он тоже с любопытством осматривал Кмитича, находя, что внешность оршанского полковника вполне соответствует тому, как его описывали в Полоцке: молод – около тридцати, высок, хорош собой, с выразительным взглядом из-под черных бровей. Еще говорили, что начитан и умен. Храбрый и ловкий воин... «Пожалуй, таков и есть», – думал Хованский, не без ревности рассматривая этого высокого длинноволосого мужчину с аккуратно подстриженными рыжеватыми усами. Обычно шляхтичи вплетали в концы длинных волос банты, у этого же литвина Хованский с удивлением рассмотрел вместо бантов перья ястреба. Московский

полковник тяжело вздохнул, с?тоской вспоминая и свои тридцать лет. Увы, за последние годы были раны, кочевая военная жизнь, абы какая пища, плохой табак да периодическое беспробудное пьянство ослабили брренное тело московского полководца. В свои сорок пять лет он выглядел на все пятьдесят пять. «Мне бы его годы!» – в?сердцах вздохнул Хованский, глядя на крепкого оршанского полковника в красивой соболевой шапке. Но в остальном его кровный враг даже несколько разочаровал московского князя. «Верно говорил Петька, ничего в нем особенного и страшного нет. Человек как человек», – не без удивления думал Хованский, вспоминая описания Кмитича своим сыном. Пётр Хованский и в правду говорил о Кмитиче, как о человеке ничего из себя внушительного либо страшного не представлявшего, скорей даже наоборот: воспитанного, тихого, любезного... «С внешнего вида он мил и приветлив, словно скромный родственник, случайно зашедший на ночлег», – говорил Пётр о Кмитиче, человеку, который дважды ранил московского княжича в кавалерийской рубке и затем пленил...

Хованский смущенно кашлянул. В?это время Кмитич полез за пазуху, достал флягу крамбамбули и?глиняный стаканчик, наполнил его и протянул Хованскому.

– День добрый, княже Иван Андреевич! Ну, выпьем за знакомство! Вот и встретились! И я на правах хозяина этой страны хочу выглядеть все же гостеприимным, согласно нашим традициям. Пусть вы и непрошенный, но гость. Хотя... ведь вы не так, чтобы уж совсем «чужынца» на этой земле! Вы ведь тоже литвинской крови. Говорят, от самого Гедимина род ваш идет, верно?

Хованский хмуро смотрел на Кмитича. Тот вполне дружелюбно улыбался, щуря светло-серые глаза дамского угодника... Хованский жуть как не любил вспоминать, особенно перед литвинами, свой в самом деле знатный литовский род, восходящий к Великому князю Гедимину. Получается, что Кмитич уже только здороваясь, как бы, уличил князя в предательстве своих предков, корней, своей родины... Хованский поежился, растерянно вновь взглянул на Кмитича, потом на протянутый стаканчик... Пауза явно затянулась. Кмитич все еще держал стаканчик в руке, выжидающе глядя на московского полковника. Хованский думал. Затем, криво усмехнувшись, принял-таки стакан из рук оршанского князя.

– И то правда, господин Кмитич, – наконец заговорил московский воевода, – давненько и я чаял повстречать вас лично.

Они выпили. Лихая крамбамбуля быстро согрела изнутри Хованского, прозябшего на влажном сыром воздухе северной Полоцкой Литвы. Московский князь даже улыбнулся: – А ведь вы, господин полковник, согласились встретиться со мной вовсе не из-за дел, а так просто, посмотреть на меня. Жив ли, здоров ли, как выгляжу, не так ли?

– Не без этого, – Кмитич вновь наполнил стаканчик, прихлебывая сам из фляги. Хованский уже не сопротивлялся.

– Ну, и вы, князь, наверняка просто пожелали увидеть человек ли я. Не черт ли? С хвостом аль без? – улыбнулся Кмитич. Хованский тоже усмехнулся, покачав головой.

– Доброе у вас вино, господин Кмитич, – похвалил Хованский, утирая буйные, как и борода, усы.

– Мы называем это водкой, – поправил Кмитич.

– Ну, вот и познакомились лично. Вы, наверное, меня будете сейчас уговаривать оставить вам ваш Полоцк, так?

– Да какой смысл вас о чем-то уговаривать, пан полковник! – усмехнулся Кмитич. – Вы все равно без приказа царя никуда не уйдете, пока у вас есть желдаки да мушкеты к ним. Просто вопросы к вам есть, как к обычному человеку. – И какие же?

– Ну, к примеру, вас называют московиты Тараруй. Что это по-русски значит?

Хованский явно смутился. Аж покраснел воспаленными щеками, растерянно кашлянув в кулак.

– А черт его разберет, что эти урки нерусские болтают, – как-то глухо ответил Хованский.

– А это правда, что переводится это как Пустомеля или что-то в этом роде?

– Это кто вам такое сказал?

– Да ваш же пленный.

– Может и верно, – вновь смущенно кашлянул в кулак Хованский, – может и так. Мне то неведомо. Неужто важно так?

Конечно же, Хованский никогда бы не признался, что сию кличку дал ему сам Алексей Михайлович, государь московский. Князь лишь напряженно взглянул на Кмитича – какой пленный сказал такое? Не его ли сын Петр? Нет, не должен! Не мог он такое сказать!..

– Абсолютно не важно, пан полковник, – Кмитич наполнил стаканчик по третьему разу. «Видимо, не зря прозвали так, – подумал он, – видимо, немало пустых слов намолол воевода про свои, якобы, победы над нашим войском. Ну, да ладно. Его это дело».

– И это все о чем вы хотели меня спросить? – Хованский насупился. Вопрос про его прозвище ему совсем не понравился. Надо бы как-то отпарировать, но московский князь не знал чем. Ну, не спрашивать же Кмитича, правда ли что он дьявол или нет!

Кмитич не ответил, а лишь обернулся. На краю поля из-за бугра чернели на снегу хаты, точнее то, что от них осталось. Деревенька была пустой.

– Вон, вёска стоит, что остров необитаемый, – кивнул в сторону хат Кмитич. – Я вот тоже за три последних года не видел ни одного города, что хотя бы частично не был разрушен, хотя бы на половину не сгорел. Я уже и забыл, что такое покой и мир. Женился на войне, развелся на войне, вновь женился, сына родил на войне. Вы вот тоже сына своего Петра в плену потеряли. Ну, слава Богу, обменяли его на нашего Гонсевского...

Хованский усмехнулся. Как-то странно усмехнулся. Кмитич заметил это... – А как бы не обменяли? – продолжал Кмитич. – А если бы погиб ваш Петр? Смысл ваш в чем, пан полковник? Ведь здесь земля горит под вашими ногами. Так, может, прекратите обжигать пятки всякий раз да уйдете по добру по здорову, пока вас всех не перебили? На что надеется царь?

– Эх, господин Кмитич, – хитро улыбнулся в усы Хованский, – мне плевать на царя. Я не знаю, на что он надеется и надеется ли вообще. Он свою войну, считаю, давно уже проиграл, просто цепляется за куски страны вашей, ибо жалко ему, что такие большие потери да расходы понес, да за зря все. Он ведь уже на уступки вам шел, и уступки немалые. Смоленск хотел отдать, контрибуцию платить... – И Инфлянты все оставить себе вместе с Полоцком просил, – прервал Кмитич Хованского. – Вы это бросьте, пан полковник! Мы уже свою принципиальную позицию давно царю высказали: полное освобождение страны от оккупационных войск. Полное! И контрибуция за разрушение и опустошение нашей страны. Никаких уступок и грязных сделок! – Сам царь не уйдет, – ехидно усмехнулся Хованский, – а вы вот, попробуйте его выбить. Попытайтесь, господин Кмитич, на этот раз совладать со мною! Выйдет ли? Ой, не думаю!

– Какой у вас личный смысл воевать здесь так долго? Не надоело?

– А мой личный смысл в том, господин полковник, – отвечал Хованский, – чтобы вас одолеть, в конце концов. Не таков князь Иван Хованский, чтобы отступать перед человеком менее опытным и молодым, – сдвинул обиженно брови московский князь, – для меня это дело чести. Мне плевать на царя, на города, на деньги и земли ваши, на царские планы. Будет приказ – уйду. А пока нет – буду с вами сражаться до победы. Мне больше терять нечего, кроме чести. А вы меня оскорбили, пан Кмитич. Вы же даже не воевода, как я. У вас-то и армии своей нет, только хоругвь! Так неужто не одолею я вас? Обязан! Одолею!

– А вы азартный игрок, пан полковник! Дуэлянт прямо! – Кмитич усмехнулся, отхлебнув из горлышка, более уж не предлагая Хованскому выпить. – А не боитесь проиграться полностью? Без штанов остаться?

– Больше боюсь битым уйти, пан Кмитич, – буркнул Хованский, зло глядя на оршанского князя. – Вы мне личный вызов бросили, и я его принял.

– Да скорее это вы мне вызов бросили, – вновь мило улыбнулся Кмитич. – Не я же в вашу землю ввалился с армией, а вы в мою заявили. И еще, – Кмитич вновь повернулся к пустым хатам на краю поля, – не надо воевать с ними, женщинами и стариками, со мной воюйте. Дети да бабы вам ничего плохого не сделали. – Это верно, – опустил голову Хованский, – но я ваших мещан никогда не трогал, ни жидов, ни латинян, ни магометян. Это казаки все лютуют. Слово князя, что мои ратники будут воевать только с вашими солдатами, – ответил Хованский.

– И на том дзякуй вам. Ну, и когда же вас вновь ждать с?вашей местью?

Хованский что-то смешался.

– В наступном году. Пока что армии у меня нет, я только собираю силы. Должен признать, Вы меня добро потрепали, пан Кмитич. Соперник вы достойный, ничего не скажешь. Но царь скоро даст мне новых ратников, лучше прежних необученных.

– Видите, – горько усмехнулся Кмитич, – вам нужно просить ратников. А ко мне сами приходят. В том наше различие, и в том ваша слабость, пан Хованский. Уберите свою гордыню, признайте свое поражение. Уходите из моей страны. Пожалейте в конце концов своих людей.

Хованский ничего не ответил. Он лишь оглянулся на стоящих вдалеке московитских всадников, дожидавшихся своего командира. Кмитич понял это так, что Хованский спешит, хочет закончить разговор.

– Ну, раз вам пора...

Но Хованский неожиданно перебил его: – Послушайте, пан Кмитич! Я ведь как раньше думал: не ворожкой ли вы так напугали моих людей там, на Полонке реке? На Кушликовых горах, когда мои люди в панике бежали, даже не видя ваших ратников? Не продали ли вы душу дьяволу, пан Кмитич? Признайтесь, что вы все-таки человек, и вас можно одолеть! Ну, не может же одному обычному человеку везти постоянно! – Хованский сейчас выглядел необычайно взволнованно. Его борода и одутловатые щеки тряслись, глаза стали круглыми как блюдца, руки дрожали.

– Сейчас ваше время прошло! – продолжал Хованский. – Сейчас мое время настало. Настало время поквитаться. Мы получили удар, упали, но, как в кулачном бою сильный боец, мы поднимаемся с колен, чтобы тоже дать сопернику по роже, и даже некоторые ваши понимают на чей стороне сейчас сила!

– Верно, – Кмитич кивнул своей огромной шапкой, отороченной соболиным мехом, – обычному человеку постоянно везти не может. Но я необычный человек,

шаноунный спадар полковник. И со мной вам тягаться не советую. Готовьтесь к встрече в Смоленске, пан Хованский. На него иду, чтобы освободить сей город. Там все началось, там и закончиться должно. Честь имею!..

Кмитич развернулся и пошел обратно, громко напевая, так, чтобы Хованский слышал:

Ой, пара дамоу, пара

Ой, пара дамоу, пара

Ужо вячэрняя зара...

Что хотел, он услышал.

Хованский чувствовал некий непонятный стыд и недоговоренность. Ждал он этой встречи с Кмитичем, сам вызвал его, а все что хотел спросить и сказать так и не высказал. «Боже! Я уподобился полковнику Чернову, бесследно сгинувшему, – думал в сердцах Хованский, – зачем я понес эту чушь про дьявола и ворожбу, про личную месть? Зачем!? Зачем признался, что армии сейчас у меня нет? Ведь это все равно, что вызвать на дуэль и сказать, что пока нет ни сабли, ни пистолета... Зачем сорвался и начал кричать? Не так надо было, не так. Ведь я вовсе не ненавижу Кмитича. Чем-то он на меня похож, чем-то интересен. Разве так я хотел с ним поговорить? Не так. Ох, не так!» – корил себя Хованский. Но делать было нечего. Видя, как литвинский полковник обернулся на него, а потом вновь зашагал в свою сторону, Хованский также молча побрел к поджидавшим его конным стрельцам.

– Иван Андреевич!

Хованский остановился и обернулся. Отошедший на приличное расстояние Кмитич стоял, вновь повернувшись к нему, словно что-то забыв.

– Я вот что хотел еще вас спросить: у вас какого цвета кровь?

– Красная, как у всех! – крикнул в ответ Хованский, ошарашенный таким странным вопросом.

– Это хорошо, – почему-то усмехнулся Кмитич, – значит вы из того же теста, что и я! А то я уж подумал...

Кмитич не договорив, махнул рукой и, развернувшись, пошел снова к своим, с хрустом ступая по глубокому сугробу.

Кмитич уходил к ожидавшим его у края поля драгунам и с досадой думал, что худшие его подозрения подтверждаются. Из полунамеков и слов Хованского вытекало, что царь собрал новую армию, а Гонсевский в тайне от всех вновь пытается договориться с московитами. О чем договориться? На двойную игру Гонсевского указала Кмитичу ухмылка Хованского при словах «обменяли нашего Гонсевского» и его собственная фраза «и некоторые ваши понимают на чей стороне сейчас сила». Храбрости и несговорчивости Хованскому явно придала нынешняя неразбериха в рядах армии Речи Посполитой, конфликты конфедератов с Вильной и Сапегой. Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше для Княжества: войска московитов терпят одно поражение за другим, ратники Чарнецкого штурмом завладели городом Усвятом, захватив много пленных, в том числе и тамошнего воеводу. Но разбиты под Чаусами семь хоругвий конфедератов, и Братский союз заявляет, что складывает оружие, требуя, чтобы освобождением страны занималась шляхта... «Видимо, ты, приятель, рассчитываешь на раскол в посполитовом войске, – думал о Хованском Кмитич, прокладывая себе путь через голубой вечерний сугроб, – зря, друже, зря! Невдомек тебе, мерзавец, что конфедераты подвели к Борису двадцать конных хоругвий и четырнадцать пехотных, и что московский воевода Борисова Хлопов уже оставил многострадальный город. Врешь, князь, надеешься! Ой, надеешься, что удастся зацепить хотя бы часть нашей земли, оставить за собой Полоцк да Смоленск».

От ястребиного внимания Кмитича не улизнул и тот момент, когда при словах «никаких грязных сделок» московский князь снова ехидно усмехнулся. Эта усмешка в лишний раз подтвердила Кмитичу догадку, что «наш» Гонсевский что-то явно мутит против своего же Княжества на стороне царя. «Что-то вновь не нравится мне этот подозрительный хрыч», – думал Кмитич, забираясь в седло... Оршанский полковник вспомнил, как весной при обмене пленными в Смоленске литвины к всеобщему облегчению вернули себе Винцента Гонсевского, Михала Обуховича и Степана Неверовского, а также еще две сотни пленных литвинских солдат. То был момент, когда царь уже шел на значительные уступки, коих бы никогда раньше не допустил бы. Он платил деньги Литве, возвращал некоторые земли... Но главное, что уже не гонорились царские послы перед литвинами, а

выглядели побитыми псами, желая вернуть хотя бы кого-то из двухсот сорока двух воевод, содержащихся в плену, среди которых были и стольник Хованский-младший, и князя Козловский, Акинфеев, два князя Щербатых, а также многочисленные полковники, стрелецкие головы, дворяне и дети дворянские... Набирать за границей немецких, да английских наемных офицеров уже не хватало денег, а свои воеводы не росли в огороде как репка... На любые уступки шли москвитяне, на любой обмен... Винцента Гонсевского на радостях тут же назначили директором комиссии по финансированию армии, вернули булаву польного гетмана. И тут же начались непонятные дела новоиспеченного директора, тут же произошел раскол между ним и Неверовским, Котовским и всем Братским союзом.

Из Кобрина конфедераты беспрестанно слали листы Гонсевскому с требованием расчета по долгам, выдачи гарантий соблюдения прав шляхты, остро ставили вопрос работы монетных дворов... Но виленская комиссия проблем конфедератов разрешать не торопилась. Тогда среди солдат пошли слухи, что Гонсевский деньги конфедератов прикарманил и платить не собирается вовсе. Хвалибога Жаромский, что постоянно был посредником между депутатами Братского союза и Гонсевским, со своими дипломатическими успокаивающими речами лишь раздражал конфедератов.

Ну, а недовольство Гонсевским все же имело под собой не просто слухи. Польный гетман, кажется, все делал наперекор конфедератам: он быстро сблизился с королевским двором, за хороший куш (называли сумму в 18 000 франков) отдал свой голос за профранцузскую партию Польши и теперь вместе с Крыштопом Пацем искал пути как можно быстрее и тише распустить конфедерацию, а если и понадобится, то разгромить ее в пух и прах, призвав шведов и казаков.

Канцлер Котовский, уже давно заподозривший грязную двойную игру польного гетмана, 22 ноября показал всем конфедератам тайный лист переписки между Крыштопом Пацем и Гонсевским.

– Вот что задумали наши паны ясновельможные! – гневно кричал Котовский, потрясая листом с зашифрованным письмом: – Устранить нас хотят!

Возмущенные таким коварством конфедераты тут же отправили в Вильну отряд под командованием Хвелинского и Навашинского, в обязанности которых входил арест и пленение Гонсевского вместе с его союзником Жаромским, чтобы

доставить их в Братский союз и судить, как «предателей Батьковщины и шляхетской вольности и прав». – Если окажут сопротивление, то убейте их обоих прямо на месте, – напутствовали Хвелинского и Навашинского Котовский и Неверовский. Правда, Жаромского убивать ни Навашинский, ни хорошо его знавший Хвелинский явно не хотели, а вот Гонсевский... Этот изрядно всех взбесил. Между собой оба командира отряда порешили судить и расстрелять Гонсевского на месте, не доставляя в Кобрин, боясь, что в Кобрине на суде Гонсевский откупится, или его не очень строго накажут за его знатность и авторитет. – Нам надо просто вывезти польного гетмана из Вильны, зачитать приговор и расстрелять, как изменника и вора, – говорил Навашинский Хвелинскому. Тот хмурился, чувствуя явное самоуправство, но не протестовал.

А тут и новый слух, да к тому же многими подтвержденный: Гонсевский за хорошие деньги готов уступить царю в?вечное пользование Смоленщину и Северщину. И это несмотря на то, что польный гетман сам родом из Смоленска! Добавились и очередные слухи, что с помощью крымских татар и казаков Гонсевский хочет разбить силы конфедератов. Дело шло к гражданской войне, и это в самый переломный момент войны с царем!

– Срубы с московскими купцами с дозволения Гонсевского и Жаромского уже плывут по Двине к Риге, а царский посол Нащокин едет к королю. Зачем едет? Делить землю нашу – вот зачем! – рассказывали друг другу конфедераты. Эти слухи долетели и до Кмитича, и до Михала Радзивилла. Оба друга были крайне возмущены поведением Гонсевского. Михал, как и его кузен Богуслав, требовали отобрать у Гонсевского булаву и уволить с поста директора комиссии. Кмитич вспомнил все трения между Гонсевским и покойным Янушем Радзивиллом и даже послал в подмогу конфедератам отряд в?двадцать казаков, чтобы помочь пленить Гонсевского, как и своего хорошего друга Жаромского. Возглавил отряд вечный ангел-спаситель Кмитича ротмистр Сорока.

– Гляди, – напутствовал Сороку Кмитич, – присмотри, чтобы с Жаромским ничего не случилось, чтобы сгоряча хлопцы не намяли ему бока. Он мой боевой товарищ. Пусть их с?Гонсевским невредимыми доставят в Кобрин на суд. Понял? Отвечаешь за него головой.

– Не хвалюйся, пан полковник, – успокаивал Кмитича его верный и постоянно веселый усатый ротмистр, – все будет добра. Арестуем по всей форме и проформе!..

Сорока уехал в Вильну в последний день ноября. Уже неделю от него ничего не слышно. Едва запрыгнув в седло, Кмитич больше не думал о Хованском и красноречивом разговоре с ним. «Как там ротмистр Сорока? Справился ли со своей миссией?» – с тревогой думал Кмитич.

Глава 2. Гибель Жаромского и Гонсевского

В 1662 году царская армия походила на огромный ком сплошных проблем. Ратники убегали из расположения своих частей, а иные переходили на сторону Речи Посполитой. Боясь усиливающегося дезертирства, в Смоленске за пределы стен города ратный люд вообще не выпускали. От оставшихся в сентябре 1654 года под рукой царя смоленских шляхтичей сохранилась едва ли половина – остальные разбежались. Тем не менее, к 1663 году, согласно царского списка, его армия в ВКЛ все еще насчитывала 93 570 человек. Но это была по большому счету огромная толпа. Опытных воевод, стрельцов, обученных военных явно не хватало.

В семье Злотеев-Подберезских также росло напряжение. Маришка, вечно покорная и не перечашая отцу, сейчас чуть ли ни каждый день устраивала истерики.

– Это из-за вас, папенька, я лишилась мужа! Из-за вас сидела здесь, пока не изнасиловали! Из-за вас вся моя жизнь пошла наперекосяк! Чего ради остались мы с москалями в Смоленске? Какую безопасность вы мне здесь обеспечили?

Пан Злотей, осунувшийся, поседевший и сильно постаревший за последние пять лет, молча выслушивал нападки дочери, слеза блестела в его глазах. Но что он мог сделать сейчас? Да, напортачил. Да, был не прав, не отпустив дочь к Кмитичу. Но не признавать же перед дочерью все свои ошибки, тем более, что былого не вернешь! Не уходить же сейчас, когда неизвестно куда идти! Злотей лишь подходил к углу и крестился на икону Божьей Матери.

– Помилуй меня грешного...

Кризис переживала не только армия Московии, но и сама ее экономика. Из-за затянувшейся войны царская казна пустела. Царь велел чеканить медные монеты по курсу серебряных, ибо денег в государстве почти не осталось, все сожрала жадная пасть военных расходов. Те желдаки и наемные донские казаки, что получали за службу такие медные гроши вместо серебряных, начинали бузить и возмущаться, ибо селяне не продавали за эти медяки им еду и питье по прежнему курсу серебряных денег. Цены на продукты, таким образом, выросли в пятьдесят раз! Ну, а в самой Московии крестьяне, возмущенные увеличивающимися в геометрической прогрессии поборами, начинали волноваться, грозя волнения перевести в бунт по всей стране. Собственно «медный бунт» из-за тех же самых медяков и поднялся в самой Москве...

Было солнечное теплое утро 25 июля 1662 года. Англичанин Патрик Гордон обучал московский полк на поле у Новоспасского монастыря.

– Хер унд да! Хер унд да! Хер унд да! Левоу! Левоу! Хер унд да! – командовал по-немецки Гордон, уча бестолковых, по его мнению, диких мужиков ходить в ногу строем под флейту и барабан.

– И что за «йерунда» такая? – переспрашивали друг друга мордвинские новобранцы, не понимая команд «немца»... Ревностный, но кажется, беспринципный католик Патрик Гордон служил вначале у шведов, потом под Варшавой попал в плен и перешел на службу Речи Посполитой, начав воевать против Московии. Ну, а еще позже, попав в плен и к москвитам, с таким же безразличием и любовью к одним лишь деньгам стал служить и царю, уже против своей предыдущей страны-кормилицы.

Впрочем, Гордону было все равно где обучать ратных людей шагистике и приказам. С москвитами ему даже нравилось – они вообще не знали ничего, кроме беспрекословного повиновения начальству. При этом в отличие от шведов или литвинов с поляками, москвиты могли запросто удрать ночью из лагеря, если им что-то не нравилось. Поэтому Гордон предпочитал быть деликатным, не бить своих подчиненных, как его московские коллеги. Кажется, этим он и расположил к себе своих обучаемых желдаков. К «доброму немцу» хотели попасть многие. – Хер унд да! Хер унд да! – командовал Гордон, но тут же ругался уже чисто по-английски: – Damned (Проклятие! англ. яз.)! – как ви ставит нога, шорт подьери! Не так на пятка, а на весю нога! Мат вашу! Стоп! Стоп! Унд

да! – остановил Гордон своих подчиненных, напряженно всматриваясь: к нему на лошадях скакали два всадника.

Всадники приблизились, остановились. То был полковник Крофорд, еще один наймит на царскую службу. Его Гордон узнал еще издалека по пышному ярко-рыжему парику и красному камзолу.

Крофорд, стройный и подтянутый уже немолодой человек, удальски соскочил с коня, одернул камзол и приблизился к Гордону. Гордон снял шляпу, отвесил поклон.

– Чем могу служить, сэр?

– Все очень плохо, – приветствовал Гордона Крофорд, – в городе великое смятение, я вам приказываю выступить к Таганским воротам с вашими варварами. Они хоть что-то умеют? Вы научили их стрелять?

– Да, сэр! А что случилось?

– Бунт. Из-за медных денег, – коротко ответил полковник, оглянувшись на своего адъютанта, молодого офицера-москвитина.

– А где сам царь? – поинтересовался Гордон, весьма удивленный новостью.

– Царь в Коломенском.

– Может и нам отправиться к нему, да защищать его там? Зачем идти к Таганским воротам?

– Нет, – Корфорд нахмурился, видимо и сам плохо соображая, как поступать в подобном случае, – я лучше pošлю лейтенанта, пусть узнает, в чем там дело...

Корфорд ускакал, а Гордон тут же вскочил на коня и приказал своему полку двигаться в сторону Серпуховских ворот, где к мосту подходила толпа человек в пять тысяч с дубинами и рогатинами. Когда Гордон достиг моста, там уже курице негде было клюнуть. Люди затопили все пространство, размахивали палками и дубинами, кричали, требуя назад свои деньги.

– Отдайте деньги! Заплатите нам за медяки и соль! – кричали из толпы. Какой-то стряпчий громко, осипшим голосом, зачитывал лист с жалобами, выкрикивая имена и фамилии виновных чиновников... – Цышей! – кричал по русско-литвински Гордон, ибо только в Речи Посполитой и учил более-менее язык Францыска Скорины. Но англичанина никто не слушал. Жилистые руки тянулись к поводьям его коня.

– А ну слазь, шельма немецкая! – орали злые бородатые лица.

– Прэч! – кричал Гордон, лупя по рукам кнутом... Неизвестно, что стало бы с Гордоном, если бы не выборные солдаты, начавшие теснить и молотить толпу мушкетами и бердышами...

Ну, а часом раньше две большие толпы шли, одна – к дому старосты Василя Шорина, а другая, в тысяч пять, – в Коломенское, где укрылся царь. Толпа затопила Коломенское, требуя увидеть государя, чтобы спросить его по поводу денег. Бледный с дрожащими коленками Алексей Михайлович вышел из церкви. Толпа враз смолкла. Но государь не стал ничего говорить, он сел на коня, ступив сапогом изначально на спину, бросившегося под ноги для подставки отрока. Тут же вновь из толпы раздались сердитые крики: – Что деется, царь-батюшка!

– Загладь обиды, государь!

– Нет мочи терпеть!

Царь оглянулся. Стрельцы в длинных до пят вишневых кафтанах испуганно жались, выставляя бердыши, окружая стеной царя. «Вот тебе и соколиная охота!» – с холодеющим лбом думал царь, понимая, что любимое занятие – охота с соколами – откладывается.

– Эй, православные! – крикнул Алексей Михайлович над малиновыми шапками стрельцов. – Чего же так в беспорядке пришли порицать своего государя!? Обиды будут заглажены! Я повелеваю немедля созвать совет! Вам остается немного подождать!

И пока толпа что-то недовольно гудела, царь свесился к какому-то боярину: – Слышь, дурень, вели послать человека к Крофорду и стрелецкому полковнику

Матвееву, ко всем, кто есть! Идти всем в Коломенское и стрелять всю эту чернь, чтобы духу тут их не осталось! Живо!

– Сию минуту, царь-батюшка! – испуганно кивнул высокой бурой шапкой боярин...

Именно по этой причине прискакал к Гордону Крофорд. При этом сам полковник сильно колебался. Он знал, что при вступлении полка Гордона в Коломенское может произойти страшное кровопролитие... Но Гордон, напротив, рвался в Коломенское, полагая, что толпа растерзает царя, как только что чуть было не растерзали его самого. В полку Гордона было около 1200 человек, в том числе 800 мордвин и черемисы, кои, верно, не стали бы сочувствовать или примыкать к мятежникам и бунтовщикам. Остальные солдаты полка – пестрая смесь из московитских народов, в том числе и русского, – не вызывали большого доверия у Гордона. Правда, все они, тем не менее, оставались под знаменем приказа. Гордон раздал порох и пули, каждому по три заряда – все, что имел на тот день.

И вот полк Гордона спешно выдвинулся в Коломенское – Крофорд дал-таки приказ. Однако бунтовщики так обложили дворцовые аллеи, что англичанин никак не мог подобраться к ним. Оружие люди хватили его коня, нарочито стащить с него седока, и вновь еле вырвался из толпы Гордон, бесщадно хлестая по рукам людей кнутом. – Одыходим! Не палить! – дал приказ Гордон своему полку. Его желдаки стали пятиться, возвращаясь на луг, откуда вступили-было в толпу бунтовщиков. Там, на лугу, уже стоял приказ другого стрелецкого полковника Аггея Али Шепелева – его шеренги «светились» яркими желтыми кафтанами. От его полка, впрочем, осталась едва ли половина – другая примкнула с пищалями и бердышами к бунтовщикам.

В полной растерянности Гордон повернулся к Шепелеву, прокричав: – Какие вы получите приказания?

– Мне приказано стоять на месте! – ответил Шепелев со своей вечно непроницаемой физиономией, матерно ругнувшись в конце по-угорски.

– Shit! – ругнулся в ответ на своем языке Гордон, пришпорив коня, и поскакал в конец луга, где зеленела салатowymi кафтанами шеренга приказа Артемона Матвеева. Сразу за ним выстроились темно-зеленые кафтаны стрельцов Семена Полтева, также изрядно поредевшие из-за переметнувшихся на сторону

бунтовщиков. Оба полковника сказали, что им велено идти в Коломенское.

- Что делат мне? - все еще не мог найти себя во всем этом хаосе Гордон.

- Почем я знаю? - отвечал Матвеев и Полтев тоже.

Тем временем все три стрелецких приказа с примкнувшим к ним князем Юрием Ромодановским, одним из главных наперсников и фаворитов царя, вошли в Коломну. Гордон со своим полком остался позади. Он лишь то и дело поднимался в стременах, прислушиваясь к непрекращающейся стрельбе и крикам, ничего не в состоянии разобрать... Как ему показалось, стреляли не только стрельцы Матвеева, Шепелева и Полтева, но и стреляли по ним... Его полк караулил у Кожуховского моста, где получил приказ остановиться, охранять мост и захватывать беглецов. Таковых схватили тринадцать человек...

Из всех бунтовщиков почти тысячу человек на другой день повесили в разных местах, а около двух тысяч с женами и детьми впоследствии сослали в Сибирь. Еще около тысячи погибло в стычках с царскими полками. Были убитые и среди стрельцов. Сколько? То никто не говорил.

Патрик Гордон, а также все остальные иноземные офицеры на службе царя получили за сие дело небольшие пожалованья или награды.

И в эти же самые дни возмутились башкирские татары в Уфе, Осе и других городах, где московитские гарнизоны были либо разгромлены либо атакованы. Поводом к сему бунту послужили притеснения и вымогательства жадных и продажных губернаторов этих краев. Башкиры - хорошие наездники, вооруженные луками, стрелами и копьями, быстро атакывали и быстро ретировались... Положение осложнялось. Патрику Гордону тут же приказали выступить против башкир. Но англичанин заявил, что, будучи майором, он, прослуживший верой и правдой почти год у царя, не намерен отправляться так далеко - за тысячу верст... Подавлять мятежных башкир отправили другого. Перепуганный Алексей Михайлович бросил против бунтарей десятитысячное войско. Возмутителей утопили в крови. После всех этих передраг Москва заметно опустела.

Кажется, вот он шанс для литвинов вдарить по неприятелю и разгромить его окончательно. Но и армия Речи Посполитой походила на рассорившихся из-за

пойманных в пруду рыбок друзей-мальчишек. Общего руководства как не было, так и не стало. Михал Радзивилл с кузеном Богуславом разъехались по своим маёнткам со своими хоругвиями, не подчиняясь пока что ни королю, ни гетману. Ян Павел Сапега, вроде бы, командовал армией, которая, однако, подчинялась ему едва ли на треть. Винцента Гонсевского предлагали выдвинуть в руководство Братского союза конфедератов, но этому резко воспротивились войска правого крыла.

Конный эскадрон Навашинского и Хвелинского – около пяти сотен всадников – ворвался в столицу ночью 29 ноября.

– Хотим видеть Гонсевского и Жаромского! – требовали командиры эскадрона от полковника панцирной хоругви Вильны Неверовского.

– Жаромский сейчас в кляштаре кармелитов. Туда езжайте! – отвечал полковник Неверовский, прекрасно, впрочем, понимая, зачем и на что он шлет этих людей. Часть отряда с Навашинским и Сорокой во главе отправилась к монастырю кармелитов... Жаромский в самом деле был там. Он вышел из монастыря и тут же уперся взглядом в толпу разгоряченных людей. Одни сидели на конях, другие спешили. Жаромского тут же обступили возмущенные конфедераты.

– Пан Жаромский! Вы арестованы и поедете с нами! – строго приказал Навашинский.

– Куда и зачем? По какому праву вы меня арестовываете? – нахмурил брови Жаромский, положив правую руку на эфес шпаги. – Хватит с ним болтать! Болтун этот сейчас опять нам зубы заговаривать начнет! – кричали люди, потрясая злобно обнаженными клинками. Тут взгляд Жаромского встретился с тревожным взглядом ротмистра Сороки, которого виленский стольник хорошо помнил по битве у Кушликовых гор.

– Пожалуйста, пан Хвалибога, не противьтесь! – крикнул, перекрывая шум разгневанных солдат Сорока, – отдайте шпагу и поехали.

– Я не признаю ареста, ибо не совершил никакого преступления! – возмутился Жаромский.

– Отдай шпагу! – кричали вокруг.

– Тише! Здесь я приказываю! – крикнул Навашинский, но его, похоже, уже мало кто слушал. Какой-то солдат стал силой вырывать у Жаромского шпагу. Тот оттолкнул солдата. К Жаромскому бросилось еще двое, чтобы забрать-таки шпагу виленского стольника.

– Стойте! – Сорока схватил и стал оттаскивать от Жаромского не в меру разбушевавшегося конфедерата. В этот самый момент кто-то прикладом мушкета сзади огрел Жаромского по голове. Низенькая меховая черная шапка с пером слетела с головы, ноги виленского стольника подкосились, и он рухнул на заснеженную брусчатку.

– Что вы делаете!? – закричал Сорока, но другой конфедерат саблей наотмашь рубанул уже упавшего на землю Жаромского. Кровь окрасила свежесвыпавший снег темно-багровым цветом. Сорока в ужасе смотрел, как медленно расплывается по снегу кровавое пятно вокруг головы убитого Жаромского. Все молча стояли, глядя на это ужасное зрелище.

– Халера, – лишь процедил Навашинский, – мы же судить его хотели!

– Да черт с ним! Заслужил! – крикнул кто-то...

В это же время к дому Гонсевского подъехал с отрядом и Хвелинский. Было около восьми часов утра. Хорошо знакомый польному гетману Хвелинский беспрепятственно вошел в дом и объявил хозяину об аресте. – Собирайтесь, пан гетман, – Хвелинский сердито заложил руки за спину. Два солдата по бокам держали в руках заряженные мушкеты.

– Я никуда не поеду. Я больной, – ответил Гонсевский, нервно теребя длинный ус левой рукой, – мне доктор запретил выходить из дома.

Желваки заиграли на чисто выбритом скуластом лице Хвелинского.

– Пан гетман! Я вас не на вячерю приглашаю! Вы арестованы и должны быть взяты под стражу для доставки в суд! Я вам русским языком говорю!

Гонсевский нервно оглянулся. Как назло его охрана, простоявшая у дома всю ночь, утром ушла на отдых. Как не вовремя!

– Добре, я сейчас, – кивнул польный гетман и при помощи слуги стал не спеша одеваться... Натянул на ногу сапог, потом другой... Хвелинский ничего не говорил. Не торопил, не подгонял, лишь бросал мрачные взгляды, что-то шевеля губами. Солдаты с мушкетами стояли словно статуи.

Гонсевский накинул на плечи шубу, обернулся на слугу, кивнул, мол, свободен... По привычке начал было одевать карабелу, но Хвелинский, словно до того дремавший, вдруг встрепенулся, перехватил саблю и отдал солдату.

– Ах, да, – снисходительно улыбнулся польный гетман, – я же арестован...

Гонсевский взглянул на Хвелинского, словно ожидая хотя бы какого-нибудь ответа, но Хвелинский стоял, упорно разглядывая кончики своих темно-желтых сапог.

– Вы уже все, пан гетман? – лишь спросил он, глядя на распятие на стене.

Гонсевский также оглянулся на распятие, мол, чего вы там увидели... перекрестился и пошел к выходу.

В сопровождении двух солдат и Хвелинского Гонсевский вышел во двор, где его ожидала закрытая карета, запряженная двойкой лошадей. Все четверо сели в карету. – Но! Пошла! – крикнул кучер, шлепнув лошадей длинным бичом. Карета дернулась и гроыхая колесами по мощеной улице выехала со двора. – Куда меня везут? – Гонсевский бросил испытывающий взгляд на Хвелинского, но тот лишь отвернул лицо к окну... Гонсевский еще пару раз задал тот же самый вопрос, но не получив никакого ответа, замолчал.

Карета миновала ворота Вильны... Доехали до Волпы, где лошади неожиданно резко остановились.

– Что там? – спросил Гонсевский, подозрительно косясь на своих сопровождаемых. Хвелинский вновь ничего не ответил, открыл дверь и вышел, бряцая по ступенькам своей волочащейся по земле саблей. Карету остановила толпа литвинских солдат в черных плащах и шляпах – конфедераты. На морозный воздух начинающейся зимы конвоиры выволокли и Гонсевского. Тут же с Библией в руках стоял католический ксендз в черной длинной рясе. Гонсевского

подвели к куче булыжников и щебня.

- Что это? Это и есть ваш суд? - удивленно смотрел польный гетман на обступивших его плотным кольцом солдат.

- Так, пан гетман! - ответил офицер в черной шляпе с высокой тульё и черным пером. Это был Навашинский. Из-за толстого коричневого кожаного ремня Навашинского торчал пистолет. - Это и есть наш суд, - громко произнес Навашинский,?- суд тех, кого вы предали и обманули. Мы пытались вас спасти, пан вороватый директор, но так и не достучались до вашей совести. - Вор! - кричали солдаты в лицо Гонсевскому.

- Гнида!

- Думаешь, никто не знал, чем ты занимался?

- Изменник отчизны! Как ты мог такое совершить?

- Царский прихвостень!

- А еще из плена его выручали! Пусть бы оставался у царя, мерзавец!..

Навашинский поднял руку в желтой лосиной перчатке, как бы говоря «тише!». Все в раз замолкли.

- Именем нашего Братского союза мы приговариваем вас к смерти, пан польный гетман, за измену родине, за мошенничества с выплатами Братскому союзу, за разбазаривание родной земли! - говорил Навашинский громким четким голосом. - Святой отец! Отпустите пану Гонсевскому его грехи!

Уже бывшего польного гетмана схватили за плечи и силой поставили на колени перед ксендзом.

- In nomine Patris, et Filii et Spiritus Sancti. Amen, - прочитал ксендз, перекрестив Гонсевского. Тот принялся по-латински читать католическую молитву:

Pater noster, qui es in caelis, Sanctificetur nomen Tuum...

Неожиданно Навашинский, не дожидаясь пока Гонсевский дочитает молитву до конца, резко схватил за руку ксендза, оттолкнул его в сторону и, приставив к голове гетмана дуло пистолета, спустил курок. В морозном воздухе сухо прозвучал выстрел, дернулась высоко забритая голова польного гетмана, обдав лицо Навашинского мелкими брызгами крови. Обмякшее тело Гонсевского ничком рухнуло в кучу камней. Тут же в спину упавшего выстрелил другой солдат, выстрелили вновь... Стреляли все, кто стоял вокруг. Не выстрелил лишь Хвелинский, с угрюмым видом отойдя в сторону. Ему, единственному кроме ксендза католику (и кроме уже мертвого Гонсевского), во всем этом «быстром и праведном суде» экзекуция польного гетмана казалась диким варварством, но Хвелинский успокаивал себя тем, что Гонсевский сам виноват и заслужил смерть своими грехами против Отчизны, против шляхты... Впрочем, ротмистр Сорока также не стрелял. Он лишь с ужасом взирал на быструю расправу и думал, что же теперь скажет пану Кмитичу. Почему не смог помешать убить ни в чем не повинного Жаромского? «Хоть назад и не возвращайся!» – в смятение думал Сорока...

Выстрелы отгремели. Толпу конфедератов затянуло пороховым облаком, но ноябрьский ветер вперемешку с мелкими снежинками тут же разогнал дым. Все молча смотрели на окровавленное изрешеченное пулями тело бывшего директора комиссии и польного гетмана, а побледневший, как снег, ксендз, отвернувшись, крестился, читая «Pater noster».

– Тело не хоронить! – сдвинув брови обронил в сторону ксендза Навашинский, утирая платком лицо. – Пусть все видят, что случается с предателями. Даже с такими ясновельможными панами и героями былых битв. Не то сейчас время, чтобы помнить старые заслуги!

Глава 3. Тайные планы

Весть о жестокой расправе над Гонсевским и Жаромским всколыхнула всю Речь Посполитую, затмив другую новость, хорошую – малой ратью Чарнецкого взят с боем город Усвяты, а оборонявшие его москвиты перебиты и взяты в плен... Как бы не хотел ротмистр Сорока приносить плохую новость, но пришлось. Впрочем, Кмитич был возмущен не своим подчиненным, а конфедератами. Оршанский князь был просто в шоке. Он никак не ожидал такого вероломства от Хвелинского. Правда, Гонсевского Кмитич жалел в меньшей степени. В его ушах все еще слышался голос покойного Януша Радзивилла, говорившего о том, что слишком уж жаден Гонсевский, и что сей грех его точно погубит. Вот и погубил... Прав был гетман, далеко вперед смотрели его хитрые голубые глаза... Куда как больше жалел Кмитич своего боевого товарища Жаромского.

– Бедный Жаромский, – кручинился князь Орши, – за что такая несправедливость на голову этого героя!? Если бы убили одного Гонсевского, я бы не особо переживал. Сам заслужил, своим темными делишками. Но этот мошенник потащил за собой в пекло и Жаромского!

– Никто не хотел убивать Жаромского, – заикаясь объяснял Сорока, – все произошло, как в пьяной драке...

Михала Казимира весть об убийстве Гонсевского и Жаромского застала во Львове в свите Яна Казимира. Да, Михал требовал у короля, чтобы у Гонсевского забрали пост директора и булаву польного гетмана. Но чтобы так расправиться! Несвижский Радзивилл сразу же понял, что дни конфедерации после такого преступления сочтены. От конфедератов тотчас отвернулись многие, кто недавно их поддерживал. Даже сами конфедераты, недовольные расправой над известными в стране людьми, выходили из Братского союза, бросая оскорбления в адрес и Хвелинского, и Навашинского, и Котовского с Неверовским. Сказать, что Гонсевский был не виновен не мог никто, как и к ответу многие желали призвать зарвавшегося польного гетмана, но тем не менее, такого беззакония в пределах Княжества никто не ожидал.

Остро встал вопрос и о человеке, который должен срочно занять пост польного гетмана. От этого зависел и ход дальнейших боевых действий против оккупационных войск Московии. Михал предлагал кандидатуру Богуслава, хотя Несвижский князь прекрасно понимал, что после мартовского сейма 1662 года, когда Богуслав вновь выступал наперекор королю почти во всех вопросах, отношения между его кузеном и крестным опять охладели. Да и противников у Богуслава среди поляков не поубавилось. – Это наглый и кичливый пан! –

науськивали Яна Казимира недруги Богуслава. – От него чего хочешь можно ожидать. Не слушайте, Ваше величество, Михала. Не соглашайтесь на Богуслава Радзивилла при всех его достоинствах, как солдата.

Король, впрочем, во время пребывания в плену Гонсевского сам предлагал Богуславу временно заменить смоленского князя и взять булаву польного гетмана. В тот раз Богуслав отказался, зная, что это мера временная, и что все равно вскоре придется уступить булаву Гонсевскому. А такой подарок этому мерзавцу, коим считал Богуслав Гонсевского, Слуцкий князь делать не желал. Сейчас Гонсевского не стало. Богуслав, подталкиваемый Михалом, попросил аудиенции у королевы, и со всей своей галантностью и умением блеснуть светскими манерами, как и потряхнуть своей белой голландской шляпой с пышным пером и завитушками на золотистом парике, сообщил Гонзаго, что готов-таки принять гетманство. Еще не одна женщина не смогла сказать «нет» самому блестящему светскому льву всей Речи Посполитой. Не смогла и Гонзаго.

– Я обещаю, пан Богуслав, всяческую вам помощь и поддержку.

Богуслав мило улыбнулся, низко склонив голову. Эти слова много стоили, практически означая «вы приняты», учитывая огромное влияние королевы на мягкосердечного Яна Казимира. И учитывая то, что личные отношения Людвики Гонзаго с Богуславом также нельзя было назвать радужными. Да, похоже, что кроме Яна Казимира Гонзаго вообще мало кто любил. И на то были причины. До женитьбы на Владиславе Мария Гонзаго слыла во Франции интриганкой и жуткой авантюристкой. Поговаривали даже, что у нее родился внебрачный ребенок, которого она тщательно скрывала от посторонних глаз. Уже далеко не девушкой, дамой тридцати с лишним лет Мария Луиза впервые вышла замуж за короля Владислава, который, зная о многочисленных былых любовниках своей супруги запретил ей называться священным именем Девы Марии, но только вторым именем Луизой, заменить его позже на Людвику. Да и то сей брак состоялся лишь при самом активном содействии кардинала Мазарини, на тот момент полноправного правителя Франции... Вот и сейчас, отвешивая поклон, Богуслав мельком подумал, что такое быстрое согласие не в стиле королевы. И не ошибся.

– Но у меня есть одно маленькое условие, – также мило улыбнулись алые губки королевы.

– Какое? – Богуслав насторожился.

– Жениться.

Богуслав на мгновение потерял дар речи. Ведь все знали, что он помолвлен с дочерью своего погибшего брата Януша. Больше года Богуслав ждет благословения от Папы римского, и уже договаривался и с Михалом, и с самой Аннусей, что женится без благословения Папы, ибо его Аннуся уже торопила и недоумевала в чем же такая задержка с разрешением. «Может, мой Богусь, ты сам не торопишь день нашей свадьбы?» спрашивала в письмах Анна Мария, чем лишь возмущала Богуслава, писавшего в ответ:

Да провалиться мне под землю, если я хоть в какой-то степени причастен к замедлению процесса и если бы всей душой моей я не рад был бы прямо сейчас видеть Вашу Княжескую Милость рядом с собой. И не шутки ради выложил я 10 000 за Разрешение из Рима. Ожидая уже такое время, нужно набраться терпения и подождать еще немного, потому что в делах женитьбы всегда случаются какие-то препоны...

Может королева Людвика имеет в виду скорейшее венчание именно с Аннусей? В глазах у Богуслава потемнело от волнения. Он с трудом поднял голову и напряженно взглянул в карие глазки по-прежнему мило улыбающейся Людвики Марии Гонзаго, сидевшей на позолоченном стуле. Почему-то Богуславу очень мало верилось в то, что королева произнесет имя, которое он желает услышать, имя той, к которой все его письма наполнены любовью и нежностью. Вот и накануне Богуслав, пока что так и не дождавшись благославения Папы римского отписал очередное послание к своей возлюбленной:

Светлейшая Княжна и Mon tr?s cher cCur, сердечно любимая Ануся!

Вашей Княжеской милости не может быть столь скучно без меня, как мне тоскующему сердечно без Вашей Княжеской Милости, и кажется, что на расстоянии любовь моя безрассудная к Вашей Княжеской Милости чем дальше, тем более крепнет. Нынче нет ни минуты ни днем ни ночью, чтобы я не думал о Вашей Княжеской Милости и том, как бы поскорее сделаться мне окончательно

осчастливленными. Однако же заключительная резолюция не только из-за меня, но и из-за Вашей Княжеской Милости зависла, потому прошу Вашу Княжескую Милость не обижаться за уточнение некоторых пунктов наших отношений.

Прежде всего: ежели от Папы Римского разрешения не будет, то в таком случае Ваша Княжеская Милость хотела бы выйти за меня, слугу своего? Во-вторых, если мы поженимся без папского благословения, возрастающий шум, упреки, умножающиеся проблемы не станет ли Ваша Княжеская Милость ставить мне в вину, а сносить все терпеливо и не показываться в тех местах, где подстерегать Вашу Княжескую Милость могут неприятные впечатления с этим связанные? И в-третьих, ежели бы мне пришлось в ущерб нам обоим некое решение принять, то, будучи даже в неких чужих краях, Ваша Княжеская Милость хотела бы участь мою разделить и за фортуной моей вслед идти? Потому как сила силенна у нас недоброжелателей, и ко всему готовыми мы быть должны, ибо зла в мире больше чем добра ожидать приходится. Будь снисходительна, Ваша Княжеская Милость, что так открыто пишу исполненный искреннего, доброго и любовью возвышенного чувства. Уже я буду изыскивать все возможные способы для нашего соединения. Прошу же, моя любимая милостивая Княжна, будь ко мне любезна, не забывай того Богуса, который есть и будет до гробовой доски твоим...

«Неужели все эти задержки и с благословением Папы и с ответом самой Аннуси значат, что мою судьбу уже решили? Решили на самом высшем уровне: королева и Папа?» в ужасе подумал Слуцкий князь. Оно и в правду, между ним и Аннусей пробежал некий странный холодок, исходящий из предпоследнего письма Анны, где она рекомендовала Богуславу другую даму сердца... – Богуслав польстился богатством твоего отца! Он просто не хочет терять маёнтки и фольварки Януша! – продолжали вещать злопыхатели, и Аннуса, как почти все влюбленные наивные девушки верила всем этим сплетням.

– Проверь его! – советовали другие «доброжелатели»... И Аннуса послушалась. Стала «сватать» Богуслава за племянницу королевы Бенедикту, девушку симпатичную, милую, которая однажды даже нравилась Богуславу, но совершенно ему неинтересную ныне. Слуцкий князь взорвался от такого предложения. Как мог он сдерживал эмоции, скрипя гусиным пером по бумаге:

ПРЕСВЕТЛАЯ КНЯЖНА МОЯ!

Уж я вижу неискреннюю Вашей Княжеской Милости любовь ко мне – ежели рекомендуете мне другую даму... Если бы я посоветовал Вашей Княжеской Милости идти замуж за другого, а не за меня, как бы ты обо мне подумала? Но я склонен отнестись к этому, как к шутке и совсем иначе сужу о подлинных чувствах Вашей Княжеской Милости мне предназначенной свыше и об их постоянстве... Голландского полотна, саблю и шапку посылаю Вашей Княжеской Милости. О, если бы сам я мог в то полотно превратиться и стать сорочкою Вашей! Но так как это невозможно, думаю о том, о чем писать не стоит: умной будет достаточно. При сем всего себя препоручаю любезности Вашей Княжеской Милости.

– На... на ком? – еле выдавил из себя Богуслав, в глубине души все-таки надеясь, что Гонзаго имеет виду именно Анну Марию Радзивилл.

– Удивлены? – королева не спешила с именем своей кандидатуры, несколько упиваясь замешательством блистательного Слуцкого князя. – Так, пан Богуслав, я знаю, как вы избегаете всяческих браков. Но однажды на сейме вы сами добивались от меня руки моей племянницы Бенедикты, девушки красивой и умной. Так почему бы вам, пан Богуслав, не повести Бенедикту под венец сейчас? Посмотрите, взвесьте то, что я вам предлагаю! Скоро сестра Бенедикты выйдет замуж за Бурбона, который станет королем Речи Посполитой, а вы, пан Богуслав, таким образом, окажитесь вторым по положению человеком в государстве. Каково?

Богуслав едва ли не скрипнул зубами от злости. Опять Бенедикта! Это уж точно, что длинные ручки королевы дотянулись и до Аннуса! Да, когда-то Бенедикта нравилась Богуславу, и он, в самом деле, об этом сказал королеве, но сказал не серьезно, так, под легкий хмель венгерского токая. А теперь... Какой к черту Бурбон, будь он неладен! «Второй человек в государстве!? – думал в возмущении Богуслав, пока его высокий лоб, частично скрытый париком, покрывался мелкими капельками пота. – Да я никогда не был вторым! Если надо, буду первым везде!» И еще кое-что понимал Богуслав: хитрая Гонзаго, которую за глаза называли «хоругвью на ветру» или «флюгером», браком с Бенедиктой связывала бы по рукам и ногам Богуслава, и тот уже не смог бы выступить против того, чтобы муж Анны Генриетты Юлии, сестры Бенедикты, стал королем

Речи Посполитой. «Обезоружить меня хотят, – лихорадочно думал Богуслав, – перетянуть в свою французскую авантюру с новым королем! Хитра, однако, Мария. Но и я не прост. Она думает, что из-за этой штуковины, что польной булавой зовется, на все пойду? Черта с два!»

– Каково? – вновь переспросила королева, хлопая вопросительно ресницами, мол, в чем задержка?

Богуслав почувствовал, что дар речи к нему все же вернулся.

– Я благодарен Вам, Ваше величество, за столь лестное предложение. Конечно, Бенедикта хороша во всем! Но... Я...?– Богуслав запнулся и вдруг сказал как-то предельно просто: – Я вот тут подумал, а на кой, Ваше величество, мне эта булава? И на кой черт она мне сдалась? Мне и так хорошо. Без булав.

Богуслав с мягким шелестом своего атласного камзола выпрямился перед королевой, вновь отвесил поклон, как бы давая понять, что разговор окончен.

Теперь терять дар речи пришла очередь к Марии Гонзаго. Она с нескрываемым удивлением смотрела на Богуслава, полагая, что тот никак не должен был отвечать отказом. В его пылкую любовь к троюродной племяннице Анне Радзивилл Мария не верила, считая, что Богуслав, женившись на своей воспитаннице просто желает завладеть имениями Януша. Ну, а она, королева Речи Посполитой, предлагала ему нечто большее, как казалось самой королеве. Увы... – Вы уж извините за отказ, – продолжал Богуслав, нервно обмахивая себя шляпой с черным страусиным пером, – но... Я люблю другую. Анну Марию Радзивилл. На ней и хочу жениться.

– На вашей воспитаннице? – тонкие брови Гонзаго сердито сдвинулись.

«Делает вид, что слышит впервые», – усмехнулся Богуслав.

– Так, Ваше величество. Она самая.

Губы королевы Людвики нервно скривились на ее полном лице. Ей никак не получалось приручить Богуслава...

* * *

Ну, а как же Париж жил все эти годы без блистательного Богуслава Радзивилла? Скучал. Впрочем, новости из жизни блистательного Радзивилла часто появлялись в парижских газетах, не давая забыть о нем. И не только из-за газет о Богуславе при дворе вспоминали частенько: исчезли скандальные дуэли, исчез лишний повод почесать языком, обсудить последние сплетни и слухи про амурные дела Слуцкого князя, пропал тот, на которого многие хотели быть похожи... Что же касается кардинала Мазарини, который и управлял страной, лишив юного Людовика XIV самых обычных мальчишеских забав и выделив ему всего два платья для носки на каждый день, то «серый кардинал» также не забывал Богуслава, посылая то оружие, то специалистов, то деньги на нужды Слуцкого князя. Часть оружия Богуслав оставлял себе, часть также тайно переправлял повстанцам в Литву. Но в марте 1661 года Мазарини скончался. И вот тут-то оказалось, что в Париже есть хорошая замена Богуславу: подросток и окреп двадцатидвухлетний король Людовик. Он был так же высок ростом и так же красив. Во всех его телодвижениях проглядывало нечто мужественное и решительное. Молодой король обладал очень важным для монархов умением выражаться кратко, но ясно, и говорить не более и не менее того, что было необходимо на тот момент. Проведя с матерью весьма скромное детство в незавидном дворце, Людовик резко проявил любовь к роскоши, девушкам и оружию. И неудивительно, что его тут же стали сравнивать с Радзивиллом, называя даже «новым Богуславом». Впрочем, самовлюбленный Людовик не любил сих «лестных» сравнений, ибо мало помнил и мало знал Слуцкого князя. Себе же равных он вообще не видел вокруг никого. Надо заметить, что еще ни один французский король прежде не отличался такой неприкрытой гордостью и эгоизмом, ни один европейский монарх не курил с таким удовольствием фимиам собственному величию. Богуслав все это и заметил, когда приехал в Париж, чтобы выказать дань уважения новому монарху, ибо после смерти кардинала Людовик негласно короновался во второй раз, взяв бразды правления только в свои крепкие руки, уволив первого министра и заявив гордо: – Я сам буду подписывать даже самые незначительные документы!

Богуслава Людовик приглашал принять участие в войне против испанской части Голландии.

– Не могу, Ваше величество, – отвечал Богуслав, – вы еще планируете войну, а у нас она уже давным-давно идет... «Двум звездам в одном месте тесно», – решил Богуслав и уехал достаточно быстро, пусть и ожидал от Людовика какого-нибудь

лестного и почетного назначения, чего ему не раз предлагали ранее. «Кажется, наступила темная полоса. Или просто моя фортуна от меня отвернулась», – думал Богуслав, не дождавшись ни польной булавы от польской королевы, ни полководческого чина от французского короля. Впрочем, Богуслав не особо расстроился.

– А почему бы, братко Михась, тебе самому не получить польную булаву? – спрашивал своего кузена Богуслав при первой же встрече после возвращения из Парижа. – Ты подходишь не хуже меня! И уже женат! Тем более, что твое имя звучало в кандидатах из уст твоего крестного.

– Попробую, – кивнул своими длинными волосами Михал, – если у тебя ничего не вышло, постараюсь сам. Это будет даже интересно побороться за булаву! – Надо побороться, – Богуслав положил ладонь на плечо Михала, – а то булаву перехватит этот извращенец Пац. А? для реализации нашего плана с Собесским и для построения хорошей крепостной стены на пути этого лягушатника Бурбона булава нам очень даже не помешает...

В это время Михал Пац, вновь избранный командиром жмайтской дивизии, обвинял в смерти Гонсевского и Жаромского правое крыло, то есть армию Сапеги, которой и принадлежал радикальный круг, ответственный за убийство. Таким образом Пац, также претендуя на пост польного гетмана, старался устранить, как полагал сам, своих главных конкурентов: Сапег, двоюродных братьев Яна Павла Сапеги – Яна и Криштопа, а также его племянника Александра Полубинского. Таким образом, под стрессом от громкого преступления и в борьбе за освободившееся место армия Княжества вновь разбилась на два лагеря. И в январе 1663 года отошла на зимние квартиры. Жмайтская дивизия пошла в Жмайтию, а войска Сапеги – на границу Виленского и Новогрудского воеводств. Правда, очень скоро Пац объявился в Вильне с небольшим отрядом и арестовал убийц виленского стольника и польного гетмана: Хвелинского, поручика Ешмана, лидера конфедератов Котовского, Наркевича, Ястрембского, первым ударившего саблей Жаромского, и Неверовского, также участвовавшего в отправке карательного отряда и выработки приговора Гонсевскому. Последним четверым светила смертная казнь, но до суда было еще пока что далеко, и Пац возил всех арестованных в собственном обозе. Что касается непосредственного убийцы польного гетмана, то Навашинский успел скрыться. Поговаривали, что бежал сей пан аж в Московию. Конфедерация прекратила свое существование. Всем ее участникам, кроме арестованных по делу убийства, объявлялась амнистия.

Ну, а булава командующего армией с согласия Яна Казимира перешла в руки Михала Паца. Михал Радзивилл был неприятно шокирован. Он готов был видеть на месте польного гетмана кого угодно: Александра Полубинского – в первую очередь, Криштопа Паца, Яна или Криштопа Сапег, Богуслава, себя, в конце концов, но выбор короля его даже оскорбил, не говоря уже о Богуславе. Обиженный на короля, Михал покинул Львов, отправившись в Несвиж, где под Красным Селом, что недалеко от самого Несвижа, Пац начинал собирать солдат для расправы над еще одной конфедерацией, на этот раз польской конфедерацией Свидерского, по просьбе, естественно, короля. Но литвинские солдаты шли к Пацу неохотно. Снова никто не хотел сражаться со своими союзниками поляками, когда еще предостаточно в стране царских желдаков. Сидя в седле вороного коня, опустив шляпу на самые глаза, Михал с тоской смотрел на скучный лагерь Михала Паца в Красном. Он ответил отказом на письмо короля участвовать в походе на Украину и Волынь, сославшись на здоровье, а сам же отправился в Крулевец к Богуславу, который метал гром и молнии в адрес Паца и короля. Михал приехал к кузену, чтобы обговорить план дальнейших действий по поводу отставки Яна Казимира, блокировки французского кандидата и продвижения Яна Собесского на трон. Но Богуслав был настолько обозлен и расстроен, что явно не собирался обсуждать эти планы.

– Ну, ладно я! – возмущался Богуслав, сидя за чашкой кофе с Михалом в гостиной своего крулевецкого дворца. – Ну, а чем ты не угодил своему крестному? Почему Мишка Пац? А лить слезы по Гонсевскому я не стану. Получил то, что заслужил. Уж больно хитрый пан был, сел за шахматную партию с парнем, у которого копыта под плащом. Мерзавец сам себя и перехитрил! А черта в шахматы еще никто переиграть не смог!

Михал вздыхал и пил кофе. Нет, он никогда не стремился на высокие посты, но в данный момент тоже не мог понять, чем же пленил Яна Казимира Михал Пац, а чем не устроил он, Михал Радзивилл. Было обидно. Очень.

– Черта с два я теперь буду защищать французского кандидата в наследники, – процедил Михал, – раз король мне не помогает, то и я ему не буду. Он вставляет палки в мои колеса, и я вставлю палку в колеса его кареты.

– Добро пожаловать во взрослую жизнь, мальчик Михал!?! – усмехнулся Богуслав, доставая бутылку терпкого английского рома. – Наконец-то ты, Михась, расстался с детством и вечно добрым образом хорошего крестного папы. Сто раз тебе говорил: Ян Казимир хороший человек, но не для Короны он, не для

управления государством, особенно таким сложным, как наше. Сейчас всем управляет его шустрая француженка. Предлагаю начать схватку с Яном, – Богуслав откупорил бутылку и разлил ром по серебряным рюмкам на длинной ножке.

– Схватку? – не совсем понял Михал, сморщившись наблюдая за манипуляциями бутылки в руках кузена.

– Я образно выражаюсь. Надо наш план по коронации Янки Собесского активизировать. Поговори с Собесским, а? я нажму на Любомирского.

– На Любомирского? – удивленно посмотрел на кузена Михал. – Зачем? У него же авторитет преданного человека именно Яну Казимиру! Он ведь единственным в Польше за него заступился при войне с Карлом Густавом! Как он может нам помочь?

– Он пусть и слывет преданным человеком нашего Янки, – хитро улыбнулся Богуслав, – но уже давно недоволен им и ищет замену. Ян Казимир наступает на вольности польской шляхты, которые по его мнению, и вполне справедливому, зашли слишком далеко. А вот Юра Любомирский так не думает. Тем более, что он родня нашему Самулю Кмитичу. И я знаю, они в очень хороших отношениях, пусть и мало общаются. То есть, Ежи, или Юрий, как нам угодно, наш человек. Наш, и у него, к тому же, большое влияние в Польше. Я более влиятельного и активного человека там из наших не знаю. Если Ежи уговорит ляхов продвинуть кандидатуру Собесского на трон, то будь уверен, половина, как минимум, польской шляхты за него проголосует.

– А разве Ежи захочет нам помогать с Собесским?

– Уже помогает, – Богуслав продолжал хитро улыбаться, держа рюмку с резко пахнущим ромом за ножку двумя пальцами, – я с ним списывался, а потом и встречался уже тогда, два года назад, сразу после нашего с тобой разговора на сейме. Любомирскому тоже хочется быть около трона, но наш Янка со своей стервозной женой его не пускают. Наши августейшие персоны по большому счету обязаны Любомирскому жизнью. Ведь это он их приютил, когда они гонимые всеми бежали в Силезию! И он считает, что его услуга наша венценосная пара явно не оценила по достоинству. У Любомирского, таким образом, собственный интерес к отставке Яна Казимира – принципиальный, – и

Богуслав многозначительно поднял вверх указательный палец, – тут мы с ним союзники. Очень хорошо, что Любомирскому по большому счету наплевать, кто же займет трон. Он готов помогать любому, чтобы ему потом отплатили и приблизили к власти. Но, разумеется, помогать нам Ежи будет за деньги. И вот тут нажми на Собесского. Скажи, что надо сброситься. Ведь и для него, дурака, стараемся. Пусть половину суммы заплатит он, а половину мы с тобой. Так будет честно. Ибо Любомирский за бесплатно, как сейчас, корячиться будет недолго. Думаю, он с Яном и рассорился частично из-за денег. Видимо, наш Янка пожадничал отблагодарить своего спасителя. И вот я на Любомирского много ставлю в этом деле. Он должен подтолкнуть всю польскую шляхту, чтобы они заставили Яна Казимира уйти в отставку. Надавить и на императора Австрии. Вот тогда и покатится ко всем чертям собачьим наша интриганка Мария Гонзаго со своими лягушачьими французами, бурбонами и бенидиктами.

– Это все хорошо, – Михал колебался, с сомнением закусывая губу, – но что-то я не очень доверяю Любомирскому. То он за Яна Казимира, то он против.

Михалу, честно говоря, противна была вся эта дурно пахнущая как ром кузена политическая каша, что заваривал Богуслав с Любомирским. Ежи Любомирский, конечно же, герой, спас крестного в свое время. Но чего сейчас-то так сильно на него взъелся? Какую благодарность он ждет? Чего ему не хватает и чего не заплатил Ян Казимир? Боже! Как это низко и подло ждать некую огромную благодарность за раз содеянное добро! Почему так корыстно и бестыже устроен свет!?!.. Михал тяжело вздохнул, страдальчески взглянул на Богуслава, явно не желая пить вонючий ром.

– Так выпьем за то, чтобы Любомирский нас не подвел, – Богуслав поднял ром, чокнулся с Михалом и залпом выпил, слегка скривившись, запил кофе. Михал же поперхнулся и закашлялся. Большой дряни он в жизни еще не пил...

Воевать Пацу, к счастью, не пришлось: Свидерский распустил свою конфедерацию, и вот теперь литвины объединялись, чтобы вдарить по основному врагу, укрепившемуся на восточном берегу Днепра. Здесь окопалась почти сотысячная армия Московии, против которой литвины и поляки смогли сообща выставить всего лишь тридцать две тысячи ратников. Да, какие бы трудности ни переживал московский царь, население его страны, в два с половиной раза превышающее довоенное население Великого Княжества Литовского, Русского и Жмайтского, все же смогло наскрести приличные силы для нового пушечного мяса. Ну, и исчезнувшие серебряные и золотые монеты

возымели свое магическое действие: имелось и достаточно наемников, на которых последние золотые да серебряные монеты и ушли. Таким образом, в 1663 году под рукой царя в восточной Литве насчитывалось с учетом лояльных к царю казаков все 122 000 человек. Ну, а если к этой силе прибавить гарнизоны, все еще сидящие по захваченным литвинским крепостям и городам, то общие силы царя насчитывали в Литве более двухсот пятнадцати тысяч человек. Огромная армия, выбить которую тридцатитысячной литвинской казалось абсолютно нереальной задачей. Вот почему Хованский считал, что теперь его черед расквитаться за нанесенные поражения. Вот почему держался столь самоуверенно и дерзко с Кмитичем. «Сейчас мое время, – писал царю Хованский, – дай мне, светлый государь, побольше ратников и оружия, и я клянусь, что приведу тебе живым или мертвым полковника Кмитича, а его хоругви брошу к твоим пресветлым ногам!» Но и царь осторожничал в раздаче людей Хованскому. Какой бы большой ни была московская армия в Литве, у литвинов была и своя огромная сила, куда как больше пугавшая московских воевод, чем даже армия ВКЛ: это повстанцы, простые литвинские крестьяне, городские мещане, мелкая шляхта, сидевшие по лесам и вёскам. Никто толком не мог сказать, сколько же действует по всей стране этих повстанцев. Пятьдесят ли тысяч? Сто, а может и все двести тысяч? За одну лишь осень 1662?года армия царя потеряла при нападении «лесных братьев» убитыми и пленными, а также покалеченными до тридцати пяти тысяч своих желдаков, стрельцов и казаков. Повстанцы действовали дерзко, быстро, устраивали засады, ловушки и не вступали, как литвинская армия, в открытые бои с захватчиками. Повоевав в отряде Багрова, Кмитич также понял, что страну спасут скорее они, повстанцы, чем малочисленная армия Речи Посполитой с ее вечными передрягами и проблемами то с конфедератами, то с выплатами денег, то с назначением польного гетмана.

Возможно именно поэтому в отличие от Михала и Богуслава, Кмитича вопрос конкретной личности нового польного гетмана не особо волновал. Да, оршанский полковник также предпочел бы видеть на этом посту Богуслава, Михала или же хорошего боевого товарища Алеся Полубинского, но... Если Пац, то пускай Пац – полагал оршанский князь. Кмитичу было по большей части все равно, кто возглавит армию, лишь бы она вновь была единой и без враждующих лагерей и конфедераций. Теперь, после объединения армии, Кмитич, облегченно вздохнув и воспользовавшись затишьем, уехал в?Россиены, чтобы снова увидеть маленького Януша и жену. Там, в Жмайтии, от земель которой война откатилась достаточно далеко, пан Кмитич окунался в совершенно иной мир, мир без войны с неспешно текущей почти райской жизнью, с?метеными чистыми улочками и отштукатуренными аккуратными домишками, мерным боем часов на башне и

гулом колокола православной церквушки. Там он падал в объятия любимой жены Алеси Биллевич, катал на коне подрастающего четырехлетнего Януша, красивого мальчугана со светлыми отцовскими завитушками волос и материнскими большими карими глазами. Но каждый день Кмитич вскакивал в пять утра и босиком пробегал по снегу пару верст. Каждый вечер упражнялся в стрельбе из пистолета и фехтовал на сабле против двух соперников.

– Не мучь себя! Отдохни от войны! – умоляла его Алеся, но Кмитич качал головой: – О, нет, любая моя, Алесенька! Если хочешь, чтобы я живым вернулся, то расслабляться здесь мне никак нельзя. Меня там ждет серьезный соперник, отчаянный дуэлянт. – Кто? – большие глаза пани Биллевич-Кмитич стали еще больше от страха и удивления.

– Князь Хованский, – улыбнувшись отвечал ее муж, – противник суровый и злой! Вызвал меня на дуэль со всей своей армией. Ну, что ж, будет теперь ему поединок!..

Глава 4. Война и любовь

Зима, какой бы снежной ни была, но при первых лучах мартовского солнца дрогнула, скукожилась и быстро сгорела, словно чучело ведьмы на Масляницу, уступила место весне с ее праздниками Сороки, Камаедзицей... Сугробы обернулись в лужи, и из влажной земли появились первые подснежники, зажелтели первые цветочки мать-и-мачихи... Кмитич засобирался в обратную дорогу. Он распрощался с Алесей, крепко поцеловал Януша и теперь возвращался к войне. После обещания мести Хованским прошло уже много времени, и Кмитич полагал, что его соперник собрал-таки войско для реванша. Хованский же все еще упрашивал царя поверить ему в последний раз и дать еще ратников. Царь долго не отвечал Хованскому, но неожиданно согласился. К тому же у Алексея Михайловича и выбор был невелик: пушечное мясо есть в изрядном количестве, а вот тех, кому предстояло вести это мясо в бой, явно не хватало. «Стреляный воробей» князь Хованский за долгие годы хорошо изучил театр военных действий Полоцкой земли. Готовить и посылать сюда нового человека

было бы весьма проблематично для московского государя, тем более, что основной удар Алексей Михайлович решил нанести по южной Литве, Украине, а на севере, договорившись с советниками, планировал изобразить лишь отвлекающий маневр. «Вот пусть этим маневром и покомандует наш Тараруй Хованский», – думал царь.

Малочисленная хоругвь Кмитича бодро двигалась на восток для соединения с войском Паца, проходя вдоль просыпающихся после зимы лесов и лугов, вдоль ржаных полей, уже озарившихся лазоревыми пятнышками васильков. Весна на севере Литвы всегда приходит не спешно и поздно. Но сейчас даже здесь, на севере, стояли необычно теплые дни. В траве замелькали искристые черные скворцы, зазеленели свежими листьями деревья, зацвела вишня. Еще в Россиенах Кмитич не без удивления наблюдал, как еще буквально вчерашние глубокие снега быстро уступили место подснежникам и желтеющим первым цветам мать-и-мачехи. Ну, а месяц май подарил по-настоящему теплые, порой даже жаркие дни, когда Кмитич голым по пояс ехал в седле, с удовольствием обливаясь первыми лучами солнца. Как и обычно, с наступлением весны настроение у всех было приподнятое, боевое. Ратники Кмитича, хлебнув на привале из фляжек пива, в пути хором горланили веселую песню «Келіх кола»:

Гой-гой, сядзем у кола ды вясёла,

Выпівайма размауляйма,

Пра усе забудзем,

Хай нам добра будзе!

Гой-гой, чаго бавіш, келіх ставіш,

Хочаш піці папрасіці,

Хмель-піва нап'емся.

Гой-гой, вайна рыхла

Покуль сціхла,

Распачаці святкаваці,

Келіх пена піва,

Піва яно жыва!

Кмитич решил навестить отряд Елены. Решил это еще в Россиенах – дислокацию отряда он знал. Не то, чтобы искал возможности уговорить отряд Багрова примкнуть к армии Михала Паца, планировавшего поход по южным городам Литвы, а просто хотел лишний раз увидеть Белову, которую не встречал уже больше года. Конечно, князь понимал, что все кончено между ними, толком и не начавшись, что претендовать на что-либо или ревновать ее, обижаться, как было ранее, глупо и бессмысленно. Елена стала таковой, каковой и должен быть командир отряда повстанцев – не совсем женщиной, волчицей-партизанкой, лютом, человеком войны. Кмитич смирился с таким положением. Тем не менее, его сердце по дороге в отряд учащенно билось, и он как никогда придавал значение своему убранству: одел новый красный камзол с золотистой вышивкой, новые темно-желтые кожаные сапоги и им в тон новые перчатки. Сбрил усы, отчего стал на пару-тройку лет моложе смотреться. Сам не зная зачем нарвал букет из первых васильков и ромашек... Правда, сам же и признавал, что зря все это. Однако ничего уже поделать с самим собой не мог.

Но в отряде Багрова Кмитича ожидал приятный шок. Елена при виде оршанского князя, спрыгивающего с коня и держащего охапку полевых, пахнувших медом цветов, вздрогнула и бросилась ему на шею. Ошарашенный Кмитич стоял, робко обнимая ее тонкую талию, чувствуя, как на плече расплывается теплое пятно ее слез. Букет упал на землю. «Нет, некаменная она, некаменная», – стучала мысль в висках князя. Кмитич смущенно оглянулся. Все происходило в присутствии повстанцев, но люди деликатно отворачивались и отходили в сторону. Вот Кмитич и Елена уже стоят совсем одни среди сосен и стрекотания сорок. В голове Кмитича все плыло. «Наяву ли это? Сплю ли я, брежу ли?..»

Заплаканное лицо Елены, но, кажется, еще более прекрасное и женственное, а главное, счастливое, устремилось к нему.

– Не могу я так больше, Самуль. Не могу, – она улыбалась, не стесняясь своих неожиданных слез, своих крепких объятий. Кмитич ощущал почти все ее тело, плотно прижавшееся к нему... «Боже, что же это? Как мне себя вести?» – лихорадочно думал Кмитич, ласково поглаживая ее голову, узкие плечи, целуя ее мокрые соленые глаза... Точно сон... Но и сны порой сбываются...

* * *

Они лежали обнаженными прямо в траве, в поле, среди васильков и ромашек, счастливые, как два влюбленных подростка.

– Что это? – ошарашено спрашивал Кмитич Елену, проводя рукой по ее светлым длинным волосам, куда Елена воткнула пару лазоревых васильков. – О чем ты? – она, улыбнувшись рассматривала на небе белые облака, маленькие и курчавые, словно овечки на синем поле.

– Я спрашиваю, как называть наши с тобой отношения? Ведь ты этого так не хотела! – Кмитич осторожно убрал травинку с ее щеки.

– Не хотела, – Елена почти страдальчески взглянула в серые глаза Кмитича, – надоело, любимый мой Самуль! Надоела война! Надоело быть сильной! Любить хочется. Жить... Но... похоже, не скоро нам это дадут! – она горько усмехнулась, вновь повернувшись к небу, такому же чистому и голубому, как ее глаза, – не из дерева же вырезано мое сердце! А как это назвать? Называй наши отношения «цветы»! Ведь в лесу не только деревья растут, королевой которых я являюсь, но и цветы! – засмеялась Елена. Такой веселой и счастливой Кмитич еще ни разу ее не видел. Смотрел и сам себе не верил. Разве что в первый день случайного знакомства там, в Смоленске, восемь лет назад она была такой же беспечной и радостной. Но?та семнадцатилетняя Елена Белова была словно бы совершенно другим человеком. Да и все тогда было другим. И не было войны.

– Цветы? – усмехнулся Кмитич. – Здорово ты, пожалуй, все это объяснила! Просто и понятно! Цветы... Точно цветы. То как мы нюхаем их медовый запах и не спрашиваем, а как это все называется.

– Светловолосые редко седеют. А у тебя уже седые волосы появились на висках, – Елена ласково провела пальцами по его длинным волосам.

– Не удивительно, – улыбнулся в ответ Кмитич, – тут вся башка побелеть должна была. Особенно когда меня эти нехристи к кресту прибивали.

– И не напоминай даже, – нахмурилась Елена. Она не любила вспоминать тот трагичный момент, когда из-за ее упрямства и холода Кмитич чуть было не погиб, загубив почти сорок человек отряда, – это я во всем виновата была. Нельзя мне было так тебя отталкивать. Ты ведь тоже не железный, и твое

сердце не из кремня. Война ожесточила мое сердце. Каюсь.

- Чего вспоминать былое! - вздохнул Кмитич. Оно и правда. Намучался он от недоступности и черствости Елены в свое время. - Крест... - Елена провела ладонью по широкой груди Кмитича, коснувшись пальцами его крестика на золотой цепочке. - Почему люди поклоняются и носят на теле это орудие пыток? Почему молятся образу истязаемого на кресте Иисуса? Почему, Самуль? Христиане, что, любят пытки и казни?

- Не знаю, - ответил Кмитич, глядя ей в глаза, - и в самом деле, странно. - Можно было бы лучше лик Христа носить, как Богоматери, - продолжала Елена. - Или фигурку рыбы - первый символ христианства, а?

При этом Кмитич обратил внимание, что у самой Елены не было никакого крестика на теле. Лишь какая-то черная ниточка с заплетенными в нее красными узелками. Кмитич хотел спросить, что означает эта ниточка, но не успел.

- Ты приехал из-за меня? - ее голубые глаза смотрели на Кмитича, и солнце отражалось в них яркими звездочками.

- Так, - улыбнулся Кмитич, - хотя есть и предложение примкнуть к Михалу Пацу и вдарить по москвитам. Маршрут Паца лежит через Рославль. Хочу лично освободить этот город. Там родилась моя мама.

- Вот как? - Елена сделала удивленные глаза: - Не может быть!

- Почему?

- Потому что я тоже родилась там. В детстве переехала в Смоленск за лучшей долей, но... сам знаешь какую долю избрала.

- Вот уж удивительное совпадение, - подивился Кмитич, приподнимаясь на локте, - значит это и твой родной город?!

- Но я не могу увести отряд отсюда, - Елена обвила своей тонкой голой рукой сильную шею и голову Кмитича.

– Почему? Здесь же пока никого нет!

– Есть. Гарнизон в Полоцке. Они тихо сидят и не рыскают по окрестностям, потому что нас боятся. Три дня назад московские фуражисты прибыли в Полоцк, так целый двухтысячный отряд их сопровождал. Так мы все равно на хвост обоза налетели, разгромили. Шестнадцать мушкетов захватили да восьмерых пленных. Не знаю, вот, что с ними делать. Короче, боятся нас, как зайцы. Понимают, что разобьем их по частям, что мы уже не раз делали. Они из-за нашего отряда и еще одного, с которым мы постоянную связь поддерживаем, в Десну бояться сунуться уже семь лет как. Местные вёски стороной обходят, засад боятся. Короче, здесь мое собственное маленькое королевство, бросить которое я никак не могу. Так что, не получится снять отряд и уйти. И с тобой сама пойти не могу.

– А Винцент Плевако? Он, что, не может тебя заменить? – несколько настороженно спросил Кмитич.

– А ты ко мне его до сих пор ревнуешь? – хитро улыбнулись голубые глаза.

– Нет, – смутился Кмитич, – просто спросил.

– Не ревнуй. Он давно уже понял, что я ничейная, и не его тоже. В него тут девушка одна влюбилась, что пришла в отряд вместе с отцом и матерью. Так у них уже ребенок родился, мальчик. Винценту не до руководства отрядом.

– Здорово, – улыбнулся Кмитич. – У всех рождаются мальчики!

– Это потому что война, – грустно посмотрела в глаза Кмитича Елена, погладив его по волосам. – Бог возвращает часть утерянных душ.

– Ну, да ничего, – улыбнулся ей Кмитич. – Пока сын Винцента говорить научится, думаю, мы москвитов разгромим, и хлопец проживет более счастливую и мирную жизнь в отличие от нас. Как и мой сын, как и твои дети...

При слове «дети» Елена нахмурилась.

– Тут Хованский обещал объявиться, – резко поменял тему Кмитич. – Лично мне мстить собрался. Не слышно о нем?

– Пока нет. Царь, кажется, готовит большой поход на Польскую Русь, мстить казакам за Конотоп собрался.

– Знаю. Поэтому Пац на юг и двигает.

– А ты?

– Пока Хованский не объявился, пойду с Пацем, а потом... – Не старайся лично поквитаться с Хованским, – перебила Елена Кмитича, вновь как-то холодно взглянув в его глаза, – тщетно. Его ты все равно не убьешь.

– Откуда ты знаешь? Вновь твое колдовство? – Кмитич приподнялся на руке, сверху вниз глядя на Елену.

– Не важно, – нахмурилась она, – говорю тебе, что ваш с?ним поединок, схватка двух непобедимых хищников, не закончится кровью ни твоей лично, ни самого Хованского. Его убьешь не ты.

– А кто? – глаза Кмитича расширились.

– Его убьют свои. – За что? За то, что меня не одолеет? Как Шеина?

– Нет, не из-за тебя, но то сказать я тебе не могу. Знаю только то, что сказала.

Они лежали под жаркими лучами майского солнца, нежась в свежей траве и запахе полевых цветов, счастливые, но разговаривали уже не о любви, а о войне.

– Жаль, – вздохнул Кмитич, – хорошо с тобой, но мне уже скоро собираться надо. Говоришь, пленные у тебя в отряде сидят? Это что-то новенькое.

– Убить рука не подымается. Молодые еще совсем хлопцы, мордвины все. Порусски только один немного говорит. Я прикинула: им же, поди, по девять и десять лет было, когда мы с тобой в Смоленске отбивались...

Кмитич стоял, заткнув руки за пояс и внимательно осматривал пленных. В простой бесхитростной одежде пехотинцев, в лаптях перед ним стояло восемь молодых и высоких светлоглазых румяных парней, лет не старше восемнадцати. «Так, убить их – грех на душу брать. И в самом деле, не каратели же они!» – думал оршанский полковник.

– Никто сопротивления из них особо не оказывал. Подняли руки и сдались, – говорила Елена, стоя рядом.

– Кто из вас говорит по-русски? – обратился к пленным Кмитич.

– Я, пан господин, – подал голос курносый веснушчатый парень, на вид, кстати, самый младший из всех.

– Переведи своим хлопцам следующее, – сказал Кмитич, важно расхаживая перед строем напугано глядящих на него пленных, – у вас один шанс вернуться домой. Нужно остаться в лагере и помогать повстанцам выгнать царскую армию из нашей страны. Чем быстрее мы и вы это сделаем, тем быстрее вас отпустят домой. Освободить вас сейчас мы не можем, сами понимаете. Кто из вас сам ненавидит царя, а таковые имеются, я знаю, милости прошу в мою хоругвь. Я еду в армию польного гетмана Речи Посполитой, чтобы громить царские войска по всей нашей земле.

Курносый с веснушками перевел. Парни что-то быстро и живо стали обсуждать на своем птичьем языке, но говорили не долго.

– Мы согласны, пан господин, – поклонившись сказал переводчик, – вот есть двое, Иван и Фаркан, которые хотят с вами пойти, остальные будут повстанцам помогать.

– Вот и славно, – улыбнулся Кмитич, и обратившись к Елене, добавил: – А ты не знала, что с ними делать...

И повернувшись к ротмистру Сороке, улыбаясь крикнул: – Принимай пополнение, ротмистр!

Сорока скривился, но больше деланно, и шутки ради заметил: – Так ведь они не пьют, не курят и песен наших не поют!

– Научишь! А то, что не курят, то всем у них учиться! – приказал Кмитич, и литвины весело рассмеялись.

– А что с паном Бум делать? Отпускать, все же, что ли? – обратился к Елене какой-то бородатый повстанец. Елена в раз помрачнела, опустив голову. Негромко сказала: – Раз Господь явил чудо и указал на его невиновность, то... – Погоди, – Кмитич тронул ее за рукав, – это какого еще Бум? Пана Григория Бум?

– Так, – кивнула Елена, а Кмитич удивленно присвистнул, сдвинув свою меховую шапку-пирог на затылок... Григорий Бум... Этот местный староста из деревни Лошица, когда туда пришли московиты, принял царскую схизму и начал служить новым хозяевам. Вначале все думали, мол, под нажимом. Но выслуживаясь перед московскими захватчиками, пан Бум лично бичевал, а потом приказал повесить двух крестьян, помогавших повстанцам Багрова провиантом и оружием. С тех пор повстанцы и пытались поймать да судить предателя. Но изловить этого всегда сверх-осторожного пана не получалось. Кмитич, если честно и забыл про него, но вот, услышав имя, узнав, что Бум в плену у Елены, оршанский полковник не на шутку удивился. Удивил и ответ Елены – отпустить предателя.

– Почему отпустить? Как отпустить? Вы его поймали после трех лет охоты, и вдруг отпустить? – забросал Кмитич Елену вопросами.

– Верно, – та старалась не смотреть в глаза Кмитичу. – Отпустить. Мы его вешали, но веревка оборвалась. Значит, вешать нельзя. Значит, не виновен.

– Так, – уткнул руки в боки Кмитич, – а ну, приведите этого голубчика сюда!

Через несколько минут два рослых хлопца с саблями и пистолетами за поясами доставили связанного по рукам Григория Бум. Коренастый и тучный, с длинными темными усами и трехдневной щетиной на щеках, Бум зло зыркал из-под мохнатых белесых бровей, взглядом пойманного волка. – Развяжите ему руки, – приказал Кмитич. Его послушались, словно он был первым командиром здесь. Елена молчала, лишь внимательно наблюдая за действиями Кмитича. Тот взял веревку, с силой дернул ее, веревка порвалась.

– У вас веревки прогнили в вашем лесу! Новые нужны, – обратился к Елене Кмитич, – и никакое это не Божье чудо. Это влага, сырость и вес этого ублюдка. Вот что это!

– Есть неписанные законы... – начала Елена, но Кмитич ее прервал: – Я вижу только гнилые веревки, – грозно сказал Кмитич, швыряя на траву под ноги Елены порванные путы. – Я также вижу человека, казнившего двух наших честных людей. Может, и еще кого казнил за те годы, что я тут отсутствовал? Ведь наверняка казнил! Не сидел же этот царев служка, сложа свои кровавые ручонки! Выслуживался!

– Верно, – сказал кто-то за спиной Кмитича, – два раза возглавлял крупную охоту на нас, курва.

Елена молчала. Трое повстанцев также молчали, растеряно глядя то на Елену, то на Кмитича. Молчал и ротмистр Сорока, явно озадаченный.

– Веревка порвалась, вешать его нельзя, – повторила, хмуро посмотрев на Кмитича Елена. Она хотела еще что-то сказать, но Кмитич вновь ее перебил: – Добре, пани Елена. Вешать не будем!

И тут Кмитич молниеносно выхватил из-за широкого кожаного ремня пистолет, взвел замок и выстрелил в упор старосте прямо в грудь. Тот охнул и рухнул как сноп. Все вздрогнули, недоуменно глядя то на упавшего Буя, то на Кмитича. Впрочем, лицо Елены вновь ничего не выражало.

– Изменникам смерть! И никакой Господь Бог не явит никакого чуда, чтобы оправдать предателя, за которым мы безуспешно охотились три года! – голос Кмитича звучал жестко, глаза блестели холодной сталью... Только что все видели милосердного доброго пан Кмитича, а вот уже совсем другой человек, жестокий, карающий, злой. Сорока тут же вспомнил сцену расправы над Гонсевским. Сцена показалась ему похожей, пусть и обстоятельства и причины разные. Он отвернулся, перекрестившись... – Ну что уставились? – как-то грубо обратилась Елена к двум повстанцам все еще стоявшим над мертвым старостой. – Уберите этого дохлого мерзавца! Веревка оборвалась, а пуля нет! Значит, не совершил Господь чуда, не уберег его. Стало быть, виновен...

Глава 5. В кольце интриг

В то жаркое лето, кажется, любовь захватила всю Литву, пользуясь тем, что война притихла, словно побитый старый пес. Пока ошеломленный Кмитич целовал губы Елены, его друг Михал получил сразу два свадебных приглашения, которые его немало удивили и обрадовали. Первому приглашению – Богуслава – Михал был особенно рад. Наконец-то Папа дал официальное согласие на выпуск благославления на брак любимого кузена Михала и его бывшей юношеской любви Анны Марии! Конечно же, только Рим мог позволить сочетаться браком столь близким кровным родственникам – дяде и племяннице. По ходатайствам различных дворов из соображений прежде всего династической необходимости это делалось не столь уж редко, посему эту процедуру Богуслав считал достаточно отработанной. Увы, реакции Папы пришлось ждать долго, около двух лет, слишком долго, пусть Радзивиллы и сумели найти весьма веские аргументы для мотивированного обращения к Наместнику Апостола Петра на земле. Но помимо всего прочего братья Радзивиллы Януш, покойный отец Анны Марии, и Богуслав были кальвинистами. Тогда как сама Анна Мария, несмотря на отца и православную мать, была крещена католичкою. И эти запутанные, пусть и весьма типичные для литвинской шляхты христианские тонкости могли быть улажены исключительно папским благословением, которого и добивался Богуслав через доверенных лиц в Риме. И вот, одобряющие новости пришли-таки из Ватикана – Папа согласился. Правда, Богуслав все еще с трудом верил, что получит «священный документ» на руки и просил никому про свадьбу не распространяться. Богуслав писал по этому поводу Михалу так:

Папское Разрешение, о котором многие лица, включая тебя, хлопотали, со дня на день будет в городе. То есть предпринятые затраты начинают оправдываться, – оно в Риме подписано и печать соответствующая для надлежащего использования поставлена. Поблагодарив Господа за все содеянное, все же не станем об этом излишне распространяться.

Венчать нас должен будет ксендз католический, когда прибудет – потому как именно на этом условии благословение было подписано. Ну и не станем святейшество огорчать. Даже если церемония должна будет совершиться в Митаве. Приехать инкогнито все равно не удастся – не менее 1000 коней и людей будут в сопровождении – эдак мы враз всю Митаву объединим. Однако, надо думать о том, что уже скоро Разрешение будет в руках и дело без осложнений надо доводить до конца; иначе как бы не пришлось за ужином яд употребить...

Второе приглашение прислал старый добрый друг и боевой товарищ Ян Собесский. Русский Галицкий князь, после того, как его возлюбленная Марысенька овдовела, год ждал окончания траура, но потом и сам ушел на целый год громить казаков на Волыне и в Украине. Теперь же Ян вернулся и приглашал на свадьбу Михала. Эти два события казались Михалу почти чудом, и на этом фоне он совершенно позабыл про недавние обиды и разочарования из-за польной булавы. Правда, если Собесский венчался очень скоро, в мае, то Богуслав решил не пороть горячку и ожаниться после летнего поста, осенью, в ноябре, перед постом рождественским.

Свадьба Собесского проходила в том же самом заброшенном замке под Варшавой, что ночью так напугал Михала, и где он познакомился со своей будущей женой. Правда, сейчас, не то потому, что был день, не то потому, что замок немного прибрали, мрачным он Михалу не показался. Несвижский князь обратил внимание, что ржавое кольцо на дверях почищено до блеска, а все вокруг тщательно подметено... Марысенька оказалась маленькой молодой женщиной, выглядевшей еще меньше на фоне высокого широкоплечего жениха. Красавицей ее трудно было назвать, но ее большие, почти детские голубые глаза придавали д'Аркьен некий подкупающий шарм, как и ее безупречный французский вкус в одежде, который у всех присутствовавших женщин заметно отличался от того, к чему привык Михал. Теперь все дамы еще больше оголили плечи и грудь, а край декольте лишь еле-еле прикрывал места, где должны быть соски. Сама д'Аркьен повершила здесь всех: ее вырез на груди был самым глубоким, а левая грудь была оголена так, что из под ткани белого шелка чуть розовел край соска... «Да уж, – не без улыбки думал Михал, – еще чуть-чуть и груди наших паненок предстанут перед нашими очами полностью!»

Война, впрочем, сказала на достатке Собесских. Свадьба, пусть на нее и были приглашены король с королевой, прошла куда как скромнее, чем у первого мужа Марии д'Аркьен Яна Замойского, героически погибшего два года назад.

Во время веселья Михал улучил момент, чтобы по душам поговорить со своим счастливым другом. Он вкратце рассказал ему об их с Богуславом плане сделать его, Яна, королем Польши и Великим князем Литвы.

– Не знал, братко, что ты будешь так обо мне заботиться, – растрогался до слез Собесский. Михал покраснел. «Эх, если бы я все мог рассказать тебе!» Смущение и стыд перед Собесским Михала были настолько сильными, что он решил хотя бы чуть-чуть раскрыться своему другу: – Тут доброе дело для всех нас. И для Литвы в большей степени. Ты ведь человек русский, тебе русские земли не чужие, в отличие от ополяченного полностью Яна Казимира и его Марии. Твоя кандидатура всех устроит. Нас с Богуславом особенно. И Русь, и Польшу, и Литву тоже устроит. Мы хотим в будущем с твоей помощью отделиться от Польши. Зразумел, Янка?

– Поляки меня на трон не захотят, – замахал своими медового цвета волосами Собесский, – они ревнуют нас.

– Ну, почему же? Ягайло ведь короновали!

– Это было давно. Сейчас все по-другому.

– И вот, чтобы поляки не артачились, Богуслав решил надавить на них через Ежи Любомирского.

– Этого сумасброда?

– Не говори так о нем. Этот сумасброд, согласишься, имеет большое влияние и связи у польской шляхты, а также за границей. Он на короткой ноге с Австрией и Брандербургией. Он в свое время спас Яна Казимира!

– Это верно, – согласился Собесский, – но разве будет Любомирский на нашей стороне? Он ведь единственный, кто заступился в свое время за Яна Казимира, когда все в Польше присягали Карлу Густаву. И я тоже присягал! Он же... – Постой, – перебил Михал друга, – Ежи честный человек, как мне кажется! Он помог Яну Казимиру, когда тому было нелегко. И я за то ему очень благодарен. Тогда он оказался единственным правым. А вот теперь он уже напротив все больше удаляется в оппозицию Яну Казимиру, считая, что мой крестный зажимает золотые вольности польской шляхты. Ежи ведет себя, согласишься,

честно, протестуя и против французской ориентации нашего короля. Это мне тоже в нем нравится, ибо и мне не по нутру идея посадить француза на нашем троне. Только вот я молчу, а Любомирский открыто протестует!

Ян Собеский кивнул, не имея ничего возразить Михалу.

– Но каким бы честным и принципиальным не был Любомирский, – Михал затворнически огляделся, – нам нужно ему заплатить, чтобы он начал работу по продвижению твоей кандидатуры у ляхов вместо французского кандидата. Ты ведь для поляков почти свой! И для русских – тоже.

– Да, но... разве ты не слышал? В Варшаве собираются подавать в суд на Любомирского.

Михал удивленно поднял брови. О том он ничего не слышал.

– Значит, король наносит ответный предупреждающий удар? – разволновался он, думая, что не зря предупреждал Богуслава не связываться с Любомирским. Но отступить было уже поздно.

– Ну, что ж, тогда нам надо действовать быстрее! – не то спросил, не то утвердительно сказал Михал.

– Сколько захочет Любомирский? – задумчиво поглаживал висячие усы Ян Собеский.

– Много. Богуслав предлагает сумму разделить. Половину мы, а половину – ты.

– Эх, любый мой братко, у меня сейчас и боратинки за душой нет! – сокрушенно развел руками Галицкий князь.

– Я могу тебе занять.

– И сколько будем платить? – Богуслав хочет десять тысяч злотых. Это с обеих сторон. Ты – десять, и мы – десять, – заговорчески понизив голос и воровато оглядываясь продолжал Михал.

- Ого! - выпучил глаза Собесский. - Так много?

- Богуслав считает, что это даже мало. Он предлагает еще по два раза столько же заплатить Любомирскому, когда он все проделает, и тебя изберут на трон.

- Ну, тогда можно будет, - согласился Собесский, задумчиво поглаживая усы, - но... а почему я? Почему не сам Богуслав или ты?

- Ну, любимый мой Янка, сам пойми, - усмехнулся Михал, - кто в Польше проголосует за Богуслава?

- Это верно, никто, - кивнул Ян, - ну, а ты сам? Тебя же все знают и любят побольше моего, это уж точно!

- Я... я не готов к трону. Тем более, что Радзивиллы, как правильно сказал Богуслав, должны не сидеть на троне, а стоять рядом с ним.

- Верно, - Собесский озарился улыбкой, - я тебя сделаю тогда своей правой рукой! Будем вместе кировать!..

Услышав краем уха разговор о проблемах в Литве, к Яну Собесскому и Михалу Радзивиллу приблизился шотландский инженер Майкл де Толли, нанявшийся на литвинскую службу еще при Януше Радзивилле.

- Я услышал, вы рассуждаете о короле? - улыбался высокий худой шотландец.

- Нет, просто болтаем, - попытался отговориться от него Собесский, но де Толли лишь хитро прищурился: - Я знаю, вы литвины все недовольны Яном Казимиром и поляками. Еще Януш Радзивилл хотел отделиться от Польши, и все правильно делал, между прочим.

- Я лично от Польши отделяться не собираюсь, - надул губы Собесский, - но вот больше повернуть Польшу лицом к проблемам русин и литвин хотел бы.

- А это одно и тоже! - продолжал сиять улыбкой де Толли.- Вы с таким же успехом можете поворачивать лицом к своим проблемам шведов, датчан или англичан. Хотя английский сценарий Кромвеля вам бы очень подошел.

Михал хорошо знал об узурпации власти в Великобритании Оливером Кромвелем, но Собесский, похоже, в этом разбирался хуже.

– И что за сценарий? – заинтересовался Галицкий князь.

– 20 апреля 1653 года, – словно читая газету, начал рассказывать инженер, – англичанин Оливер Кромвель ворвавшись в парламент, силой распустил его, узурпировав власть, став генералиссимусом Англии, Шотландии и Ирландии, чьи войска незадолго до этого разбил. Именно он, отважный и дерзкий Кромвель, был примером вашему Янушу для подражания. Вот так и надо было действовать – быстро, решительно и скоро! Только если Кромвелю нужно было подминать под себя шотландцев и ирландцев, то здесь, в Литве, все надо было делать с точностью наоборот: аналогичный силовой сценарий разрыва отношений с Польшей самый высокопоставленный Радзивилл видел и для Литвы. Но... не то излишняя мягкость, не то осторожность по отношению к полякам связала ему руки, и гетман упустил время, о чем и сожалел позже. Да, его идея объединения с русинами и отрыва от Польши была гениальной, но она требовала быстроты решения и действий. Как у Кромвеля.

– Спадар де Толли, вы ошибаетесь, – улыбнулся Собесский, беря под локоть шотландца, – литвинов и поляков сложно сравнить с англичанами, ирландцами и шотландцами. Если англичане против своих соседей всегда воевали, то литвины и поляки, напротив, всегда были сообща против своих грозных соседей. А вот в отношении Руси и Польши, в самом деле, есть схожие моменты...

Ян о чем-то принялся дискутировать с шотландцем, но Михал уже не слушал. Его отозвали для разговора Ян Казимир и Мария Луиза Гонзаго, являя собой самую любезность. – Михась, коханку, – улыбался король, – я ведь тебе лист с приглашением ко двору собирался слать. А тут такая возможность просто поговорить, как двум добрым, хорошим родственникам!

Михал нашел, что его крестный отец за последние годы несколько сдал: похудевшее и слегка одрябшее лицо словно пряталось в бурях кустах пышного парика, а под глазами короля появились мешки... Заметно изменилась и королева, явно пополнив, и ее второй подбородок, пожалуй, выдавал ее настоящий возраст – за пятьдесят.

– Боже! Ты стал таким мужественным! Кажется, даже вытянулся! – восхищенно гладила королева руку Михала. Несвижский князь смущенно улыбался, кланялся, целовал королеве ее холодную кисть. К своим двадцати семи годам Михал, и вправду, уже не смотрелся тем розовощеким романтичным юношей, каковым выглядел даже в свои двадцать пять. Теперь его манеры чем-то напоминали Богуслава, с которым Михал часто общался в последнее время. Голос и взгляд стали более уверенными и не такими пылкими, как в юные годы. Розовые мальчишеские щеки приобрели более резкие черты, посинев от постоянной легкой небритости – так советовала Михалу жена Катажина, мол, тебе это придает больше мужества. Гладкие почти девичьи кисти рук ныне стали жилистыми и крепкими. Каштановые, слегка выгоревшие на солнце и пожелтевшие на концах волосы длинной копной ниспадали на грудь. Но зеленые глаза под черными выразительными бровями были все такими же, как и в былые годы – большими, живыми, чуть кроткими.

Тем не менее, Михал, которого король изначально сам предлагал на роль гетмана, все же казался королевской волей жене несколько мягковатым и больше гражданским человеком, не достаточно жестким. Мария Гонзаго скорее всего была права, когда сказала мужу, что пост польного гетмана либо испортит, либо погубит «милого хлопчика», как она часто называла Михала. Впрочем, сам Михал так не считал. «Я? давно вырос, уже сам отец, а ко мне, похоже, до сих пор король и королева относятся как к милому ребенку», – так думал он. И был тоже, отчасти, прав. Сейчас Мария Гонзаго и в самом деле осознавала, что «милый хлопок» уже давно преобразился в молодого красавца-мужчину.

– Как там ваше многолюдное семейство? – продолжала интересоваться королева. – Как растет твой Богусь?

– Дзякуй, Ваше величество. Божьей милостью и молитвами! – кисло улыбнулся Михал.

Богуслав Криштоп родился слабым и болезненным мальчиком, врачи постоянно наблюдали за ним, но в последнее время стало очевидно, что ребенок явно отстает в развитии от своих сверстников. Правда, об этом Михал и Катажина предпочитали не распространяться. Увы, разве можно такие тайны хранить в Литве, где, кажется, шляхта все друг о друге знала!? Знали литвинские князья и то, что сразу за Богуславом Криштопом у Михала родилась девочка, которую называли в честь матери Михала Феклой. Но девочка тут же умерла. Это еще

больше ввергло в уныние и Катажину, и Михала.

– Это уже не простое совпадение, – серьезно говорил Михал врачам, – почему у Катажины стали рождаться такие слабые дети?

– Она часто рожала раньше. Видимо ее организм ослаб и требует лечения и восстановления, – пожимали врачи плечами, – ей бы воздержаться от зачатия, все-таки шесть родов...

Королевская чета отвела Михала в сторону. Лакей тут же поднес им бокалы французского шампанского. Несвижский ординат понял – разговор будет серьезный. Что-то Яну Казимиру срочно понадобилось. Но что?

– Тут в последнее время наш главный противник, царь, стал куда как более сговорчивей, чем был ранее, – говорил Великий князь. – Хочу вновь возобновить с ним переговоры, так как он в прошлый раз пошел на большие уступки. Возглавишь чуть что комиссию? Тогда ты справился великолепно!

Великолепно... Михал лишь горько усмехнулся. Да, выволить из плена Винцента Гонсевского у него получилось, но... лучше бы не вызволял. Кто знал, что ждет Гонсевского на родине?! Эта жестокая расправа над польным гетманом не позволяла самому Михалу считать, что со своей миссией он справился великолепно. Однако переговоры дело нужное. Необходимо завершать войну, и завершать ее победителями, без компромиссов либо с наименьшими территориальными потерями. И Михал знал, что лучше его это наврядли кто-то сделает.

– Добре, Ваше величество, – Михал отпил из богемского кубка шампанского, – за Ваше здоровье, крестный, за Вас и Вашу обворожительную королеву!

– Мы же родня, – продолжал Ян Казимир, беря Михала под руку, – а между мной и Богуславом вновь черная кошка пробежала. Пора мириться. Любый мой Михась! Ты же всегда так хорошо умел всех мирить. Помоги нам примириться с Богусем! Скажи ему, чтобы не хранил обид. А то вокруг – одни враги.

«Любомирский, – думал Михал, слушая крестного, – точно! Король почувствовал, что под ним зашатался трон и теперь ему нужны крепкие плечи авторитетных в стране людей!» В то же время ему стало стыдно перед Яном Казимиром, и даже

жалость к крестному стиснула сердце Михала: пока они с Богуславом роют яму под Яна Казимира, сам король желает помириться с его кузенком. «Мерзко, глупо, постыдно это все», – думал Михал, но вслух произнес: – Ваше величество, а почему бы вам не назначить старшим в переговорах сегодняшнего виновника торжества, Яна Собесского?

Михалу было чрезвычайно интересно, что же на самом деле думает про Собесского король.

– Яна Собесского? – удивленно приподнял брови Ян Казимир. – Ну, уж нет! Ян хороший шляхтич, храбрый воин, но до твоей светлой головы ему, все же, далеко. Не ему поручать такие деликатные дела.

Михал с сожалением усмехнулся: – Стало быть, королем нашему Яну никогда не стать, так?

– Ему, пожалуй, даже польным гетманом не стать, – ответил король, – хотя он мне вполне нравится, особенно своей преданностью Короне. Может быть, потом, когда мудрость придет к нему, мы сможем доверить Яну гетманскую булаву.

«Вот, значит, какого ты мнения о Собесском! – думал про себя Михал, как бы оправдывая свои закулисные с Богуславом игры против крестного. – В конце концов, – продолжал оправдывать себя Михал, – отставка пойдет на пользу крестному. Вон как похудел! Мешки под глазами появились. А так поживет в свое удовольствие, хотя бы. Прав Богуслав, не для крестного вся эта политическая возня».

Конечно, и король не так уж чтобы искренне желал примирения с Богуславом Радзивиллом. Он прекрасно знал, что в Варшаве и в Кракове на сеймиках средняя и мелкая шляхта защищает Любомирского, высказывает недовольство слабостью короля, его французской ориентацией, его «наглой француженкой». Для этой шляхты Ежи Любомирский – герой. И?если дело дойдет до вооруженной конфронтации, то знаменитая хоругвь Богуслава, столько шума и переполоха натворившая в начале 1656 года в Польше, виделась королю скорее союзницей, чем врагом. Ну, а хитрая королева убедила своего мужа, что обиженный Богуслав уж точно поддержит Любомирского, и тогда – пиши пропало, до свидание королевский дворец и трон!.. Как ни крути, но с Богуславом августейшей паре примирение было необходимо, как рыбе вода.

– Хорошо! Я постараюсь уговорить Богуслава, – кивал своей каштановой шевелюрой Михал, наблюдая за танцующими парами, где его жена Катажина любезничала с каким-то рыжим паном. – Давайте дадим друг другу слово, любый мой крестный: как бы не повернулась политическая ситуация, жизнь, оставаться родней, любящими друг друга людьми!

– Полностью с тобой согласен, коханку! – улыбался король, и они с королевой подняли бокалы. Михал улыбнулся в ответ и чокнулся с ними звонким богемским стеклом своего бокала.

Но далее король сам стал говорить о Любомирском, мол, гнида, предатель, о чем-то договаривается то с императором Австрии, то с курфюрстом Брандербургии, а то и с царем Московии. Ян Казимир явно желал настроить Михала против Любомирского. Михал слушал, кивал, искренне соглашаясь, что Любомирский нечистоплотный мерзавец, но про себя думал, что уж точно не станет вмешиваться в дела этого пусть и королевского врага, но все-таки политического союзника Богуслава.

– Ты уж приезжай на вальный сейм, коханку, – уговаривал Ян Казимир, – там будет слушаться дело Любомирского.

– Добре, крестный, постараюсь. Сам же знаешь, война, еще добрая треть Литвы занята царем. Кто знает, как все обернется...

Михал вновь оглянулся на танцующих жену и рыжего пана.

– Кто этот человек, что танцует с моей женой? – приблизился Михал к Собесскому. На лицо Яна набежала тень.

– Это и есть Дмитрий Вишневецкий, – сказал Собесский как-то глухо, опустив голову.

Желваки заиграли на лице Михала.

– Как?! Тот самый, от которого четырнадцатилетняя Катажина родила Алесья?

– Он самый.

– А зачем ты пригласил его? – гневно блеснули глаза Радзивилла.

– Я не приглашал. Сам пришел. Род Вишневецких – добрый род. Их уважают и в родной Галиции, и в Польше. Ну, как мне его прогнать?! Тем более, что в ситуации с Катажиной я бы сказал, что он даже где-то пострадавшая сторона. Ведь Дмитрий хотел жениться на сестре. Родители не дали!

– Мой Алесь... то есть... Александр похож на него, – не без ревности процедил Михал, продолжая наблюдать за Вишневецким, которому было, похоже, около тридцати пяти лет. Высокий, статный... – Только не говори ему про Алеся ничего, – испуганно заморгал глазами Собесский, – ведь Вишневецкий полагает, что это сын не его, а покойного Заславского-Острожского.

– Что? – взметнулись брови Несвижского князя. – Он не знает, что у него сын?!

– Не знает, Михась, – вновь виновато опустил голову Ян.

– Но это же жестоко! И не справедливо!

– Так, Михась, – соглашался Собесский, понижая голос, – но ситуация была настолько деликатной! Мы это вообще от всех скрывали. – Однако многие об этом знали, – укоризненно посмотрел Михал на друга, – мне об этом сам Януш Радзивилл рассказывал. Царство ему небесное!

– Увы, это жизнь! – Собесский лишь тяжело вздохнул. – Кто знает, может и наших детей воспитывает кто-то...

Михал настороженно взглянул на Собесского.

– У тебя что, есть на стороне ребенок?

– Вроде нет, – уже приветливо улыбнулся Ян, – хотя кто может сказать предельно точно? Вот ты, можешь побожиться, что у тебя не стороне никого нет?

– Ну, я могу... – Михал тут же осекся. Ой ли! Он вспомнил Несвиж, свои семнадцать лет и ночь на Ярилу, когда любовью увлечены почти все местные

юноши и девушки, когда раз в году это не считается грехом. В ту первую ночь летом 1653 года он, купаясь в пруду, схватил за руку обнаженную девушку, красивую, такую же юную, как и он, стройную, как березка, с длинными льняными волосами, мокрыми струями ниспадавшими на ее маленькую упругую грудь. То был первый опыт Михала в любовных делах. Они предавались силе бога Леля полночи, оглашая первую летнюю ночь своими громкими стонами, а девушка – Михал даже не мог припомнить ее имя, хотя впрочем, наверное, она и не представилась – рассказала, что для женщин бывают дни, когда легко забеременеть, и что у нее как раз такие дни.

– Я про это и не знал, – удивленно смотрел на нее Михал.

– Эх, панич, – смеялись ее серые глаза, – чему вас там в замке только учат?

– Фехтовать, на коне скакать, стрелять метко, – стал перечислять Михал, но девушка опять засмеялась: – Это все для войны, а вот для жизни вас там чему учат?..

До той ночи эта милая девушка, простая жительница Несвижа, была, как и Михал, девственна, но совершенно не переживала по сему поводу, даже гордилась, что первый взрослый опыт получила с молодым княжичем из Несвижского замка. Ночь на Ярилу была столь почитаемым праздником в округе, что почти все девушки Несвижа до свадьбы уже имели любовный опыт, и никто не упрекал невесту из-за отсутствия невинности, если такое случалось. Могли даже наоборот спросить: – Ты невинна? И почему никто не обратил на тебя внимания в ночь на Ярилу или Купалу?..

«Родила ли та девушка после нашей бурной ночи любви? – только сейчас задумался Михал. – Может кто-то в самом деле растит и моего ребенка? Этого, увы, я никогда уже не узнаю. Эх, как же хорошо было до войны в нашем милом Несвиже!»

Вспомнив ночь на Ярилу десятилетней давности, Михал словно окунулся в прошлое, ощутив вновь все запахи, прочувствовав заново все эмоции и чувства той великой для него ночи... Вспомнил, как хлопцы пели, и в его ушах вновь зазвучало:

Валачыся Ярыла па усяму свету,

А дзе ж ён нагою, там жыта капою,

А дзе ён зірне, там колас зацвіце...

...как девушки постоянно повторяли загадочный припев «О-эв-Ляли», прославляя бога любви...

* * *

Пользуясь случаем, что оказался в Варшаве, Михал не мог не вспомнить о своей утерянной картине кисти Вилли Дрозда «Литовский всадник», где так обворожительно и натурально изображен Кмитич. Найти картину Михал уже отчаялся, но в последнем письме Дворжецкий писал, что, вроде бы, ее видели, кто-то, кажется, даже купил ее у кого-то, но определив, что на картине литвин, не поляк, – продал. Кто и где – Дворжецкий толком сам пока не знал, но обещал выяснить. Как бы там ни было, Михал решил навестить старика и расспросить его о последних новостях. Дворжецкий был все тот же: с козлиной бородкой, с лакейской улыбкой и услужливыми манерами. Но по тому, как старик засуетился, Михал понял, что его визит не доставляет Дворжецкому много удовольствия.

– Я уже практически напал на след вашей картины, – говорил Дворжецкий, но ни уверенности, ни оптимизма в его голосе Михал не услышал.

– Да что вы говорите? И что за след?

– Самое главное, картина где-то здесь, в Польше!

– И где же?

– Пока сказать трудно. Но мне удалось выяснить, что «Всадника» у какого-то деляги купил пан Владислав Ковальский. Этот холостяк вел затворнический образ жизни, потом продал картину и уехал в Русь, где исчез. Не то погиб, не то еще что-то... – Откуда это все известно? – недоверчиво смотрел Михал на старика.

– Я разговаривал с кузеном Ковальского, паном Зигмундом. Он мне и поведал про картину. Ковальский думал, что это его родственник из Ягеллончиков изображен на полотне. Но затем все признали, что на картине явно литвин.

– Так, – кивнул Михал, – я же вам говорил, изображен на ней Самуль, князь Самуэль Кмитич.

– Но это знаем только мы, – развел руками Дворжецкий, – видите, какие странные бывают люди! Им плевать, что это работа самого Рембрандта, им главное своих родственников иметь на картинах! Возмутительное невежество! – Но это картина не кисти Рембрандта. Ее писал его ученик Вилли Дрозд, мой несвижский друг!

– Так, пан Радзивилл. Я вам верю. Но все же думают, что это именно Рембрандт!

– И кому продал этот Ковальский картину?

– Того его кузен не ведает. Но он поведал мне одну интересную информацию. Вроде кто-то сказал его брату, что на картине кто-то из панов Огинских. Поэтому есть подозрение, что Ковальский, до того как таинственно исчезнуть, продал картину кому-то из Огинских. По логике получается именно так.

– М-да, уж, – почесал подбородок Михал, – ниточка не то, чтобы очень заметная, но есть. Стало быть, нужно периодически связываться со всеми Огинскими?

– Так, – просиял пан Дворжецкий, – нужно списываться с ними! Может картина вскоре где-то у них и объявится! А? может она уже у Огинских?

Несвижский князь лишь покачал головой. В принципе, какой-то просвет в самом деле появился, но ничего конкретного пока что так и не вырисовывалось. Оставалось лишь ждать да слать Огинским листы.

Михал вышел от Дворжецкого и зашагал по мокрой мостовой Королевской улицы. В польской столице только что прошел первый майский ливень с грозой. Брызги от проезжающих карет летели во все стороны, и прохожие в ужасе отпрыгивали, жались к стенам домов, чтобы их не заляпало грязной водой. Но Михал шел, не обращая на лужи и брызги никакого внимания. Он чувствовал

странное равнодушие. Ему больше не хотелось разыскивать пропавшую картину «Литовский всадник» или пусть даже «Огненный всадник», как называл ее Рембрандт. Все это нынче казалось Несвижскому князю мелким, глупым, несвоевременным. Он думал о Вишневецком, о больном сыне Богусе и о вполне здоровом Алесе, который так похож на отца и растет живым и крепким юношей, не зная чей он сын на самом деле... Война, интриги из-за Собесского и Яна Казимира, здоровье детей, отношения с Катажиной... Михалу хотелось послать все это к черту и вернуться в те годы, когда его взор так радовали полотна голландских мастаков и сам он в тайне мечтал стать живописцем. Ну, хотя бы таким, как его друг Вилли Дрозд. Вилли Дрозд... сложивший голову в боях за свою родину, которую так любил, живя в своих голландиях и италиях! «А?я занимаюсь всякой дребеденью, грязью, – думал Михал, хлюпая башмаками по лужам, – прав был Самуль Кмитич, не свободны мы, Радзивиллы! Ой, не свободны!»

Глава 6. Рославль и Росиены

Кмитич прощался с Еленой, стоя под сенью лап высокой старой ели в глубине леса. Он только и ощущал, что запах хвои и пряный аромат волос Елены. Где-то далеко, в лагере повстанцев Багрова заржали кони. Но ни Белова, ни Кмитич даже не обратили на это внимание. Кмитич сжал в ладонях её руку.

– Прости меня.

– За что? – Елена серьезно посмотрела ему в глаза. И тут же догадалась.

– Из-за этого расстрелянного тобой Буя?

Кмитич молча кивнул.

– Да и вообще за всё. Налетел как ветер. Делов натворил, и вот уезжаю, – виновато заморгал Кмитич, словно провинившийся мальчишка. Елена

усмехнулась. Прильнула щекой к его рукам.

– Наверное, Самуль, ты был прав. И что приехал неожиданно, как ветер, и что этого изменника расстрелял... Мы же тут совсем одичали в своем лесу. Приметы... Чудо... Чудо – это когда самый прочный в мире канат, а не гнилая веревка вдруг рвется... – Или, – перебил её Кмитич, – когда летящая в тебя пуля, вдруг начинает лететь словно сонный майский жук, и ты успеваешь отвести голову.

– С тобой, как я погляжу, такое было? – она пристально взглянула на оршанского князя.

– Было, – кивнул тот.

– И когда же? – Да было дело, – улыбнулся ей мягко Кмитич, – охотились как-то не меня людишки Лисовского. Не знаю кем купленные. Подозревал, что Сапегой из-за жены моей. Хотел он на ней жениться. Но это только подозрение... Вот и пустили мне пулю почти в упор, а она... – Понятно, – уже Елена не дала договорить ему, – ведьмар ты значит, как и я?

Она как-то ласково глядя Кмитичу в глаза погладила его пальцами по длинным светлым волосам.

– Дед был вроде как оборотнем, – вновь улыбнулся Кмитич, не приняв всерьез её слова «как и я» – а я нет. Так что-то находит временами. Хорошо, все же, что мы именно так с тобой встретились нынче. Ведь как долго ты меня отвергала.

Елена вздохнула, опустив голову.

– Вот ты говоришь, хорошо тебе, – она вновь подняла на него свои голубые глаза волчицы, – а я и не знаю, хорошо ли мне теперь будет?

– И тебе будет хорошо, – погладил Кмитич её щеку ладонью, – любовь это такая вещь, которую нельзя держать в себе до бесконечности. Мы и так лишены слишком многого на этой войне. Так зачем лишать того, что сам Бог дает нам? Вот где чудо Господа, настоящее чудо! Идет война, а мы любим друг друга будто только одни на свете и существуем...

Михал, все же, был прав, когда пытался отсоветовать Богуслава от связей с Любомирским. Дальнейшие события сомнения Михала лишь подтвердили. Но Богуслав, впрочем, еще до разговора с Михалом списывался с Ежи Любомирским, а позже и встречался с ним самим в Варшаве. Он пока что не заплатил ни единого солида своему польскому товарищу по интригам, но Любомирский тем не менее развернул бурную деятельность против Яна Казимира. Ежи увидел здесь собственную выгоду, и пока ему не принесли полные кошельки денег, сумасбродный пан уже связался с австрийским курфюрстом, стремясь настроить его против польского короля. Австрийский курфюрст и император еще два года назад выставили в противовес французскому кандидату на посполитый престол своего претендента – молодого принца Йохана Фридриха Брауншвейгско-Люксембургского. Однако партия, поддерживавшая австрийско-бранденбургскую инициативу в Речи Посполитой была еще недостаточно сильна и влиятельна. Любомирский предложил императору и курфюрсту содействие, пообещал, что будет всецело использовать свое влияние в Польше и за границей для победы на выборах их кандидата. Про Собесского, он, похоже, запомнил. Любомирский рекомендовал на трон молодого и пока что ничем не знаменитого земляка Яна Собесского Михала Корибута Вишневецкого. Богуслав об этом «сюрпризе» своего союзника пока что ничего не знал. Но главное в чем Ежи по-настоящему сошелся с Богуславом – в скорой отставке неудобного всем Яна Казимира. Хотя трудно было понять, как же на самом деле рассуждал Любомирский. Возможно, он лишь делал вид, что поддерживает кандидата своих немецких друзей, и играл, все-таки, в пользу Богуслава и Собесского? Наверное, предельно точно на этот вопрос не мог ответить и сам Любомирский. По крайней мере этому шустрому пану удалось произвести такое впечатление, что именно благодаря ему, Любомирскому, французский кандидат на трон Речи Посполитой все еще не принят.

Подпольная деятельность Любомирского не ограничивалась Австрией и Бранденбургией. Гиперактивный пан умудрился тайно забросить удочки и в мутный омут Алексея Михайловича, призывая царя нанести удар по Польше, что было равносильно нанесению удара и по Великому Княжеству Литовскому, Русскому и Жмйтскому. Вновь мало кто был в курсе и знал все нюансы тех загадочных переговоров, скрытых мраком тайны и секретности. Но договориться с царем Любомирскому все же – и слава Богу – не удалось.

Со своей стороны император и курфюрст, не желая портить официальные хорошие отношения с Францией, вынуждены были помогать Любомирскому лишь финансово. Позже они даже пытались примирить Любомирского с Яном Казимиром, предлагая личное в том участие. Увы, сие в планы Любомирского не

входило. Но не рой другому яму, сам в нее попадешь! Так и стало с интриганом. Попытки Любомирского столкнуть лбами всех и вся не прошли незамеченными. До Михала дошли вскоре слухи, что королевский двор и знать короны подали-таки на Любомирского в суд, и дело уже начато. Причем все это судебное дело шло к прямой расправе над скандальным паном – защитникам Любомирского даже не дали ознакомиться с обвинительными документами. Началась судебная тяжба, на которой, впрочем, сам Любомирский отсутствовал, понимая, что возможно придется вообще бежать из страны, если приговор будет слишком суровым.

Пока Михал гулял на свадьбе у Собесского, освободительным походом чуть ли не в одиночестве занимался Михал Казимир Пац. И видимо напрасно Богуслав Радзивилл посылал в адрес Паца гневные стрелы. Уже далеко не тем легкомысленным повесой, любителем юных девушек и жареной печени являлся ныне Пац, а человеком жестким, сугубо военным и, в отличие от временно отошедшего от боевых дел Богуслава, занимающимся благим для страны делом. Правда, куда-то исчезли былой либерализм и мягкость Паца.

Тридцатидевятилетний гетман отрастил такие же длинные пышные усы, как были у Януша Радзивилла (видимо, чтобы больше быть похожим на покойного гетмана), стал полностью нетерпимым к несогласным со своим мнением, беспощадным к врагу и достаточно требовательным военачальником, вылепив из своих жмайтов настоящих солдат: метких стрелков, ловких наездников и фехтовальщиков. Все эти новые качества Паца и понравились Яну Казимиру, когда он решал, кого бы назначить на освободившийся пост польного гетмана. Собирался польский король вручить Пацу и булаву Великого гетмана с соответственной передачей чина польного гетмана кому-нибудь другому. Может Михалу? Король колебался.

Тем временем Кмитич настиг обоз Паца под Прудками, был тепло встречен и вместе с ним стал готовиться к походу. Но как оказалось, торопился оршанский князь напрасно. Некоторые литвинские хоругви все еще не желали воевать в ожидании выплат денег. Снова потянулись долгие конфронтации между литвинскими частями. Сапега объявил, что не будет принимать участия в походе, и часть его солдат разъехалась по домам. Король, чтобы как-то утрясти ситуацию в армии, прислал комиссара Крыштопа Завишу, виленского подскарбия и великого маршалка. Завиша появился в обозе Паца под Прудками в начале зимы – до сих пор ни Пац, ни Сапега не тронулись с места! Правда, денег Завиша так и не привез, но доставил гетманскую булаву, которую гетману еще пока не вручили. Кроме булавы Пац получил и привилей на Смоленское воеводство. Возможно, именно поэтому жмайтская дивизия под давлением

комиссара помирилась с правым крылом Сапеги и обещала впредь продолжить службу на благо Речи Посполитой. Ну, а в это время Сапега, сославшись на плохое здоровье, объявил, что собирается отбыть домой в Ружаны. Дивизия Сапеги грозила разойтись, но Завиша успел и к ним, уговорив продолжить поход и примкнуть к королевским войскам в Украине. Однако Сапега отказался и, вновь сославшись на здоровье, отбыл-таки из дивизии, поручив ее командование Полубинскому. Как и в роковой для литвинов бой под Варшавой у Бялолукского леса в 1656 году. Как бы там ни было, но согласие наконец-то восторжествовало, и обе дивизии последними днями 1663 года выдвинулись-таки в южном направлении по заснеженным дорогам Литвы.

Павел Сапега после отказа от командования пошел вовсе не к врачу за лечением, а инкогнито поехал в... Росиены, в этот скромный жмайтский городок, где ждала своего любимого Самуля панна Александра Биллевич-Кмитич. Приезд поезда Великого гетмана всполюшил тихое местечко. В последний раз тут было так много важных панов с саблями на боку только в день свадьбы Кмитича и Алеси. Сейчас же в Росиены завалилась чуть ли новая свадьба: Сапега приехал в сопровождении трех сотен драгун и конных рейтаров... Алеся явно переволновалась, увидя на пороге своего обветшалого замка расфуфыренного в красном камзоле и в шапке из чернубурой лисицы, с таким же мехом на плаще Яна Павла Сапегу, с которым не виделась уже изрядно давно. Сапега породственному бросился к Алесе, расцеловал ее в порозовевшие щеки, щекоча их своими длинными белыми усами.

– Милая Алеся! Я здесь, чтобы убрать всё непонимание, что возникло между нами из-за чересчур поспешных действий моих доверенных людей, раньше времени сделавших предложение моей руки Вам, о, любая моя Алеся! Примите мои самые сердечные извинения и скромные дары, – и Сапега кивнул стоявшим за его спиной людям, которые подхватили увесистый сундучок и по хозяйски пробежав по ступенькам вверх, внесли его в открытые двери. Алеся стояла, как громом пораженная.

– Я... Я в самом деле... рада, – пролепетали ее алые губы, – ну, проходите в дом, кали ласка, пан гетман. Там и поговорим...

Естественно, разговор благодаря Сапеге сразу же пошел про его, якобы, мнимое сватовство, в тот печальный момент, когда, вроде бы, стало известно, что пан Кмитич погиб.

– Поймите, милая Алеся, – сжимал на груди свои тонкие пальцы Сапега, – я тогда подумал содрогаясь всем телом, что наша армия, наша страна, потеряли вероятно самого достойного мужа. И мужа потеряли вы! И первое, вероятно чисто сердечное, абсолютно не обдуманное головой решение было как-то вас обезопасить, утешить, пожалеть. Я тогда купил обручальные кольца, но вручая их Дворецкову и пану Вороне, я просил их, что если весть о гибели пана Кмитича подтвердится, то лишь тогда сделать Вам от моего имени предложение руки и сердца. Но эти паны поторопились, поставив меня да и Вас в такое неловкое положение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/goldenkov_mihail/shvatka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)